

Генрих Харрер

БЕЛЫЙ ПАУК

предисловие.

ЭЙГЕР. Северная стена.

Не ходи на Эйгер, папа, не ходи туда...

Старая песенка.

Северная Стена Эйгера – Eigernordwand – мечта многих альпинистов на протяжении более, чем полувека. Стена, на которой заявляли о себе, как о восходителях Лионель Террай, Герман Буль, Кристиан Бонингтон и Райнхольд Месснер. Эта стена, как магнитом, тянула к себе и признанных грандов мирового альпинизма и зелёных новичков, мечтавших об эффектном восхождении. В июне 1950 года французская экспедиция спешным темпом, пытаясь обогнать муссон, спускалась с Аннапурны. Врач Жак Удо ампутировал Морису Эрцогу одну фалангу за другой, а покоритель первого восьмитысячника и будущий национальный герой Франции плакал. Не от боли, а от обиды – он никогда не сможет пройти Эйгернордвэнд, а ведь он так мечтал об этом! В конце пятидесятых стоимость проката подзорной трубы в деревне Клейн Шеддег (Kleine Scheiddeg) выросла в несколько раз: многим хотелось полюбоваться на тело итальянского альпиниста Стефано Лонжи, которое несколько лет не могли снять со стены. «Никакая гора не стоит человеческой жизни», – сказал великий Вальтер Бонатти после неудачной попытки пройти северную стену Эйгера соло. «Стена смерти», «Белая кобра» – так называли Эйгернорвэнд альпинисты. Впрочем, альпинистский фольклор, зачастую весьма склонный к чёрному юмору, в этом случае всего-навсего вернулся к изначальному названию горы: огр – великан-людоед. В древности люди верили, что огры живут на высоких горах, и одного такого они поселили на вершине, которая своей мрачной стеной вставала над Гриндельвальдской долиной.

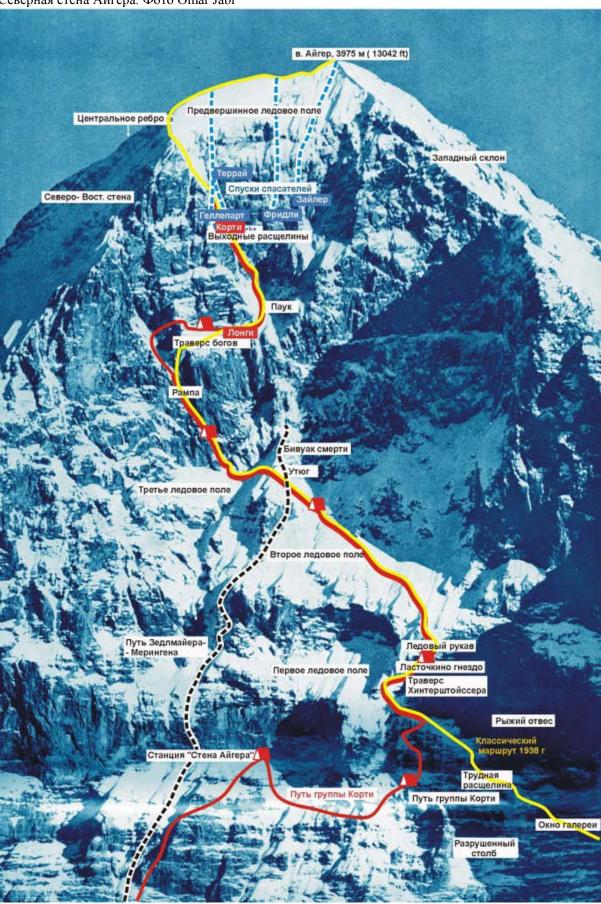
БЕЛЫЙ ПАУК. Генрих Харрер.

Перевод Елены Дащенко (Ибрагим-заде) и Виталия Томчика.

Генрих Харрер

Северная стена Айгера. Фото Omar Jabr

FOUR MEN OUTWIT THE OGRE MOUNTAIN: THE "UNSCALEABLE" EIGER NORTH FACE CLIMBED.

А.Хекмайер, Л.Фьёрг, Ф.Каспарек, Г. Харрер

Лето 1938 началось достаточно печально, гибелью двух молодых итальянских альпинистов, Бартоло Сандри и Марио Менти. Они работали на фабрике шерсти в Валдано, в провинции Виченца. В юном возрасте – 23 года – оба стали почетными членами Итальянского альпинистского клуба. Особенно был известен Сандри, необычайно одаренный скалолаз, который совершил множество серьезнейших восхождений высшей 6-ой категории сложности, включая несколько первовосхождений.

Правда, у них не было почти никакого опыта передвижения по ледовым маршрутам в Альпах. Как все настоящие альпинисты, они прибыли в Альпиглен и Кляйне Шайдегг тихо, без помпы, почти тайно. Вначале изучили Стену, для разведки прошли начало маршрута и снова спустились. Они решили, что прямой путь, по которому три года назад пытались совершить восхождение на Айгер Макс Зедлмайер и Карл Мерингер, был проще, чем тот, который открыл Андреас Хинтерштойссер. Но он, отнюдь, не был безопаснее. Дело в том, что Стена еще не достигла состояния, наиболее подходящего для восхождений.

Вид на Айгер, Мёнх, Юнгфрау с Мэнлихена. Бернские Альпы

Тем не менее, Бартоло и Марио отправились в путь ранним утром 21-ого июня. Они смогли подняться выше, чем прошли Зедлмайер и Хинтерштойсер за первый день. Храбрость и энтузиазм друзей возросли, как и их стремление одержать победу. Итальянцы были нетерпеливы и просто не могли заставить себя ждать. А природа в это время следовала своим собственным законам, не учитывая храбрости, энтузиазма и амбиций. Поздно вечером началась одна из печально известных гроз Айгера ...

Айгер, Мёнх, Юнгфрау

На следующий же день поисковый патруль Гриндельвальдских гидов во главе с Фрицем Штойри, находят Сандри мертвым на снегу у подножья Стены. Тело Менти с огромным трудом было поднято из глубокой трещины в леднике только несколькими днями позже. На фото ниже: Спасработы

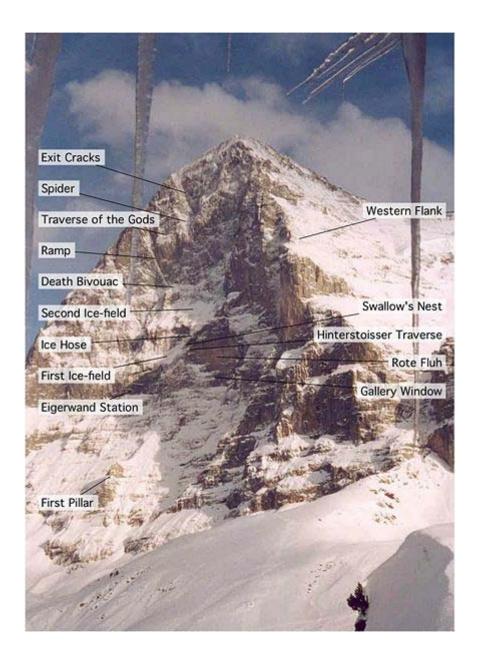
Мемориальная табличка Б.Сандри и М.Менти

Это было скверное начало попыток восхождения на Айгер летом 1938, но очередная трагедия не могла остановить развития событий, которые должны были произойти. Память об успешном возвращении с маршрута Ребича и Фёрга, которое явилось поворотным моментом в сознании альпинистов, была все еще ярка. Но это было уроком, после которого все поняли, что невозможно застать Стену врасплох. Veni, vidi, vici (Пришел, увидел, победил) не проходит на Айгере. Необходимо иметь бесконечное терпение и уметь долго ждать... в течение многих дней, возможно, даже недель.

Айгер. Фото billyc

Тем временем, Фриц Каспарек нетерпеливо ждал моего приезда. Этот великий альпинист из Вены, искрящийся жизнью, благословленный оптимизмом, который ничто не могло разрушить, уже был в Гриндельвальде какое-то время, катался на лыжах в районе Бернского Оберленда, не переставая наблюдать за могущественной Стеной Айгера. Хотя, пока, особенно не за чем было наблюдать, кроме непрерывных лавин, достаточно серьезных, чтобы пресечь в корне даже саму мысль о попытке.

Схема Северной стены Айгера

Все равно, Фриц бы очень хотел, чтобы с ним был сейчас его партнер по серьезному восхождению, которое они планировали сделать вместе; ведь никогда не знаешь, что, может случиться, при смене планов. Зэпп Бруннхубер (Sepp Brunnhuber), с которым Фриц совершил первое зимнее восхождение на Северную Стену Grosse Zinne еще в феврале – в какой-то степени тренировочное восхождение для проекта Айгера – все еще не мог подъехать. Я обещал Фрицу приехать в Гриндельвальд к 10 июля; но в глубине души у него были причины, чтобы сомневаться в обещаниях студента.

Генрих Харрер и Фриц Каспарек

Вообще-то я уже не был студентом к тому времени, когда я добрался в Гриндельвальд. Мои преподаватели в Университете Граца были изумлены скоростью, с которой я внезапно сдал все выпускные экзамены. Мне не удалось бы объяснить им, что мне надо избавиться от учебы прежде, чем я поднимусь на Северную Стену Айгера.

Они, конечно бы покачали головами, и – не без осуждения – напомнили бы мне, о том, что вполне возможно проделать это восхождение и не имея высшего образование. Я никому не сказал о нашем плане, ни сокурсникам, ни друзьям-спортсменам и альпинистам. Единственный человек, которого я посвятил в тайну, была мудрая, практичная и мужественная женщина, моя будущая теща фрау Эльза Вегенер. В 1930 ее муж, профессор Альфред Вегенер, отдал свою жизнь ради жизни спутников в бескрайних льдах Острова Гренландия, когда он погиб в снежной буре; таким образом, у нее, возможно, были достаточные основания, чтобы быть категорически против планов, в которых рискуешь жизнью. Она, однако, не произнесла ни слова осуждения; напротив, поощряла меня, хотя хорошо знала репутацию Северной Стены Айгера.

Моя последняя контрольная была утром 9-го июля. После обеда я взобрался на мой тяжело нагруженный моторный велосипед; и приехал в Гриндельвальд точно 10-го июля, как и обещал. Фриц Каспарек, загоревший до шоколадного оттенка под горным солнцем, с выгоревшими волосами, приветствовал меня на неизменном венском.

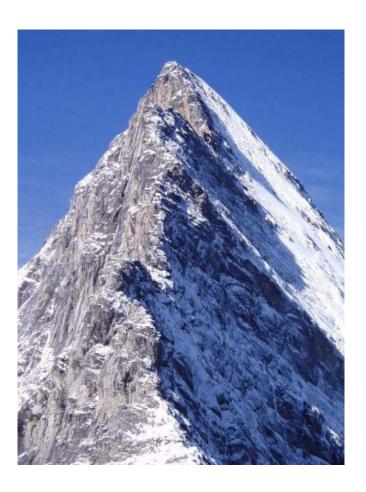
Фриц Каспарек

Фриц был наделен искусством красноречия. У него был положительно оригинальный дар изобретения ругательств, когда он сталкивался с очевидно непреодолимыми трудностями, но не признавал этого – и в горах, и в обычной жизни. Однако он никогда не имел обыкновения выставлять напоказ свои чувства; никогда не болтал попусту о дружбе или партнерстве.

Но у него была такая натура, что в сложной ситуации, он не только поделится со своими компаньонами последней коркой хлеба или крошкой шоколада, но и отдаст им все целиком. И при этом не с жалостью на лице, а в сопровождении с крепким венским словцом или выражением. С такими друзьями можно красть лошадей, пригашать Дьявола на пикник, или – лезть на Северную Стену Айгера. Фрайзль и Бранковски (Fraissl и Brankowski), два старых знатока Айгера, также были в Гриндельвальде.

Все вместе мы дошли пешком до пастбища выше Альпиглена и там разбили лагерь. У нас было твердое намерение избегать тех ошибок, которые оказались фатальным для предыдущих групп. Самое главное, нужно было досконально изучить всю нашу гору перед восхождением по ее самой интересной и сложной стене. Поэтому, мы вначале поднялись от ледника Hoheneis по диагонали вдоль северо-восточного склона по хребту Миттелеги, затем вверх до вершины и спустились по обычному маршруту.

Айгер. Ребро Миттелеги

Кроме того, мы поднялись на Мёнх по маршруту "Ноллен".

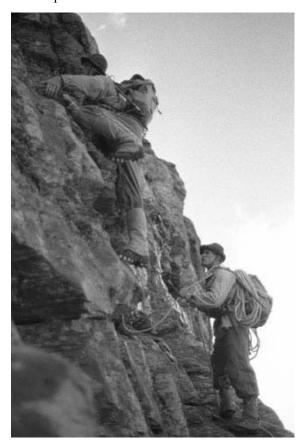

Мёнх. Справа через ледовый «нос» проходит маршрут Ноллен

Тем временем на наше идиллическое пастбище перегнали коров. Фриц и я решили сменить наше местожительство, и перекинули нашу небольшую палатку на маленький луг недалеко от стены. Фрайзль и Бранковски остались на пастбище.

Был прекрасный день, когда Фриц и я начали восхождение с нижней части стены и после подъема приблизительно на 700 м., до так называемой "Бивачной пещеры" выше "Разрушенного Столба", оставили рюкзак, полный провизии и снаряжения. К нему мы прикрепили ярлык с надписью: "Собственность Каспарека и Харрера. Не трогать".

Это уведомление не обозначало никакого особенного недоверия к другим альпинистам на Северной стене. Просто, из-за неоднократных попыток восхождений и частым спасательным и транспортировочным операциям, стена была замусорена остатками снаряжения, веревками и крючьями, которые служили неплохой помощью и дополнением к снаряжению последующих групп. Потому было просто необходимо четко подписать любой рюкзак, специально оставленный на стене с заброской, как, к примеру, наш.

На стене Айгера

Мы снова спустились вниз к нашей палатке. Условия еще не позволяли начинать восхождение и рассчитывать на малейшую перспективу успеха. Мы точно решили, не позволять, чтобы нас подгоняли, подталкивали или понукали. Прошлые трагедии и особенно гибель двух итальянцев ранее этим летом научили нас, что любая спешка может помешать осознанному трезвому решению и привести к самым страшным последствиям. Мы могли ждать, и мы хотели подождать.

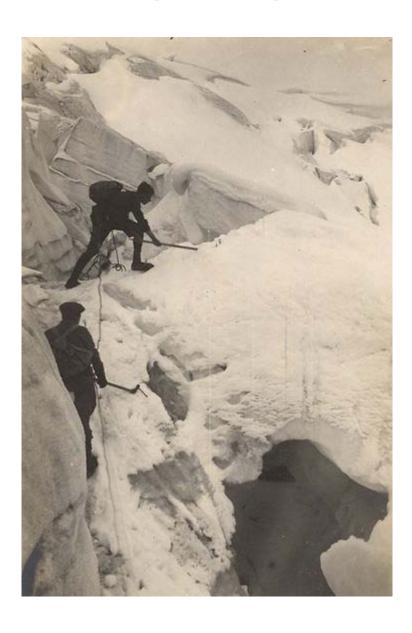

Северная стена Айгера в снегу

Уже настали дни хорошей погоды, а мы все еще ждали, наблюдая, как снег, который шел во время штормов и завалил скалы, изменив их очертания, таял, смешиваясь со старым нижним слоем. Теперь казалось разумным

надеяться на то, что условия на предвершинном, неизвестном участке стены также будут сносными. 21-го июля мы решили, что час пробил. Около 2:00 часов ночи мы начали подниматься на стену, пересекая бергшрунд в темноте, двигаясь по одному, не связанными, к "Разрушенному Столбу".

Мы поднимались в тишине, каждый из нас выбирал собственную дорогу, каждый из нас думал о чем-то своем.

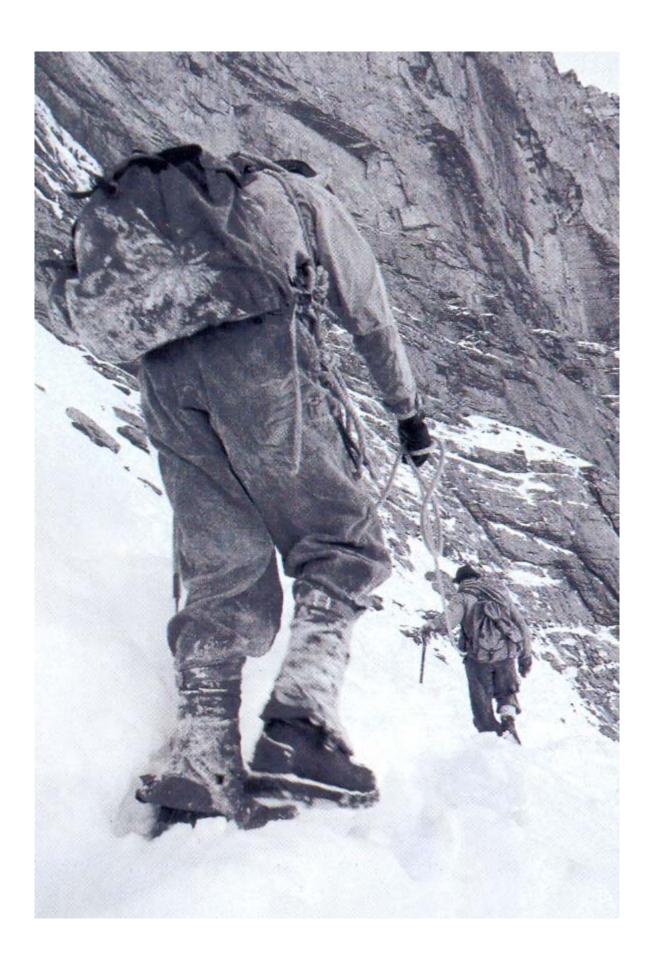

Движение по леднику

Эти часы между ночью и днем – всегда жесткое испытание на смелость. Тело идет механически, делая правильные движения, набирая высоту; но дух еще не бодрствует, его не охватывает радость восхождения, душа пребывает в раздумьях и сомнениях. Мой друг Курт Мэйкс однажды назвал эти сомнения верной сестрой опасений, правильным и необходимым противовесом к той храбрости, которая убеждает мужчин идти ввысь, и защищает их от самоуничтожения. Это, конечно же, не страх, который иногда испытывают альпинисты; а сомнения и вопросы, и человеческие опасения. Ведь, в конце концов, альпинисты всего лишь человеческие существа. Они должны смириться с собственными недостатками и дурными предчувствиями; они должны подчиниться силе воли, понимая, что все в их руках.

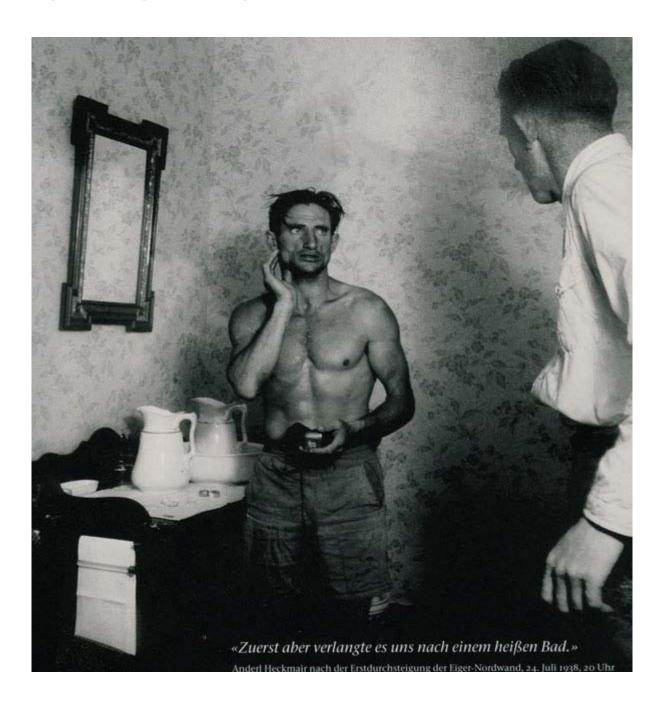
И таким образом, первый час, час серого, бесформенного, бесцветного сумрака на рассвете, является часом тишины. Явное доверие ложно, действительность может быть ошибочна, иногда, когда человек изо всех сил пытается достигнуть совершенства, он превозмогает себя, пробуя погасить тонкие нюансы предчувствий своей силой воли. И великолепная вещь в горах – то, что они не терпят лжи. Среди них, мы должны быть честны, прежде всего, перед самими собой. Фриц и я взбирались вверх в темноте, и на рассвете прошли "Разрушенный Столб".

Время от времени мы слышали голоса позади нас, могли даже различать отдельные слова. Это были Фрайзль и Бранковски, которые, как и мы, дождались хорошей погоды, и пошли на стену вслед за нами. Мы довольно неплохо с ними ладили. Две связки на этой огромной стене друг другу не помешают; напротив, они могут придти на помощь в непредвиденных ситуациях.

Начало маршрута

Скалы казались серыми, даже снег был серым в первых, мертвенно-бледных лучах рассвета. И было что-то еще серое, шевелящееся впереди. На этот раз не скалы, а люди, появляющиеся из своих мешков-палаток в «Бивачной пещере». Немедленно все мысли, сомнения и вопросы, которые рождались в секретных глубинах нашего эго, умчались прочь. Мы не собирались обсуждать их, тем более с незнакомыми товарищами-альпинистами, которые были одновременно и товарищами, и конкурентами.

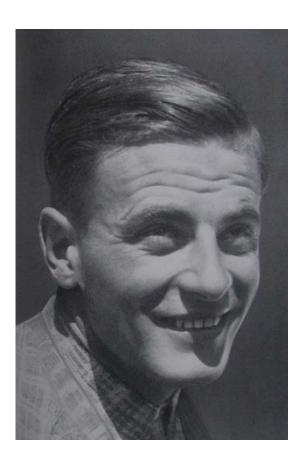
А.Хекмайер

Незнакомцы? Альпинисты никогда не бывают по-настоящему незнакомцами, тем более на этой Стене. Мы представились этим двум, которые только что пробудились от ночного сна. Тогда они сказали нам, кто они такие: Андреас Хекмайер и Людвиг Фёрг. Это было уникальное место для такого знакомства. Свет приближающегося дня был слишком ярким, чтобы мы были в состоянии видеть лица стоящих напротив людей, различить отдельные черты и оценить их.

А.Хекмайер

Итак, это был известный Андреас Хекмайер. Ему 32 года и он был самым старшим из нас четверых. Его лицо было покрыто глубокими морщинами, выделяясь острым, выступающим носом. Это было худое, храброе лицо, лицо бойца, человека, который требует многого от своих напарников, но и сам выкладывается по полной.

Второй мужчина, Людвиг Фёрг, казалось, был точно противоположным типом; хорошо-закругленный, атлетического телосложения, нисколько не жилистый или худой, при этом черты его лица не были столь запоминающимися, как у Хекмайера. Они излучали дружелюбное расположение; все его существо характеризовалось скрытой силой и внутренним спокойствием. Его друзья, с которыми он был на Кавказе два года назад, прозвали его "Король Бивака". Даже те ужасные ночи под открытым небом на 2000-метровой ледяной стене Ушбы, "Ужасной Горы", не смогли нарушить его сон.

Делая краткий вывод, можно было бы приписать динамическую силу Хекмайеру и выносливость Фёргу. В любом случае два таких разных и дополняющих друг друга характера не могли удержаться от искушения совершить это сложное восхождение.

Мы не могли сказать, были ли эти два мужчины разочарованы тем, что мы находились на Стене одновременно с ними. Если и были, то, конечно, не показывали этого. Хекмайер сказал: "Мы знали, что вы пытались преодолеть Стену. Мы видели ваш рюкзак и прочитали ярлык". Мы же не могли понять, почему были в неведенье о присутствии этих двух мужчин, которые не жили в палатке или в Альпиглене или Кляйне Шайдигг, ни в сене, ни на одном из пастбищ. Только позже мы узнали, что на сей раз, они полностью скрыли свои следы. Они прибыли в Гриндельвальд с багажом и сняли комнату в одной из гостиниц в Кляйне Шайдегг.

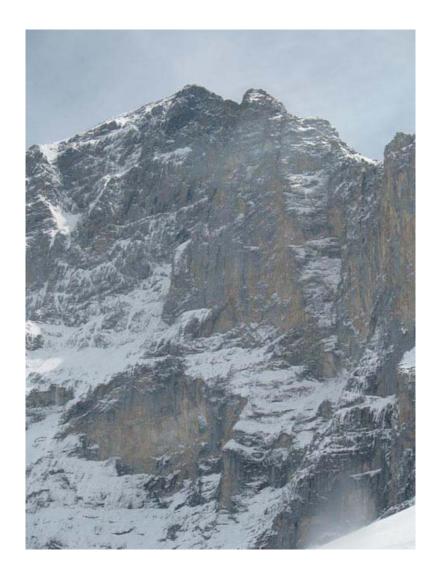

Отели в Кляйне Шайдегг

Кто когда-либо слышал о кандидате на покорение Северной Стены Айгера, спящем в гостиничном номере? Уловка сработала великолепно. У Хекмайера и Фёрга было с собой лучшее, самое современное снаряжение. Они были фактически столь же бедны, как и мы, но нашли спонсора для восхождения заранее и поэтому впервые в жизни получили возможность покупать все, что душе угодно в лучшем спортивном магазине Мюнхена, и даже изготовить снаряжение по спецзаказу.

Конечно, у обоих были двенадцатизубые кошки, которые только вошли в моду. У Фрица были десятизубые, а у меня кошек и вовсе не было. Надо сказать, это было ошибкой, но это не было результатом небрежности, а скорее слишком скрупулезного расчета. Мы рассудили, что Северная Стена была скальной стеной с участками снега и льда. Пара кошек прилично весит, и мы чувствовали, что, если мы обойдемся без них, то сможем взять с собой больше снаряжения и провизии. Мои ботинки были подбиты специальными гвоздями, по системе, популярной в Граце; расположение шипов, обеспечивало одинаково хорошую устойчивость на скалах и льду.

Наш план заключался в том, чтобы Фриц шел впереди по льду, а я на скалах. Мы также не хотели заниматься бесполезной тратой времени, надевая и снимая кошки. Мы были весьма неправы, и это была ошибка, но она не привела к трагедии, мы всего лишь потеряли время. Но мы еще не знали об этом, когда стояли и разговаривали с Хекмайером и Фёргом у входа в Бивачную пещеру. Фёрг, привыкший жить на биваках в любых условиях и местах, ворчал о ночи, которую они только что провели. "Было холодно и неудобно", жаловался он. "Камнепады не позволили спать снаружи пещеры, а сама пещера была узкой и мокрой. На наши спальники-палатки капало всю ночь".

Подножье Северной стены Айгера

Хекмайер посмотрел на свой высотомер и встряхнул неопределенно головой. "Поднялось примерно на шестьдесят метров", объявил он, "это означает, что барометр упал примерно на три пункта. Это не предвещает хорошей погоды". В этот самый момент Фрайзль и Бранковски подошли к нам.

Последовали знакомство и дружественные приветствия, но в это время в голосе Хекмайера уже были слышны нотки беспокойства. Как хороший актер он скрыл свое разочарование. Он только указал на облако в форме рыбы на горизонте и сказал: "Я уверен, погода меняется. Мы не пойдем дальше". Сами мы были уверены, что погода будет стабильной, и Фриц высказал свою оптимистическую точку зрения "О, уверен, что погода продержится неизменной. И кто—то же должен подняться на Стену когда-нибудь, в конце концов!"

Хекмайер и Фёрг начали готовиться к спуску, а мы пошли дальше. Я продолжал думать об отступлении этих двух превосходных альпинистов, и передо мной стоял взгляд неописуемого разочарования на лице Фёрга. А как же Хекмайер? Я скоро понял, что его подозрительное облако и "повышение высотомера" были только оправданиями. Он знал, что присутствие трех связок на Стене могло привести к серьезным задержкам, но он был слишком хорошим спортсменом, чтобы настаивать на правах "кто первый встал..." и просить, чтобы одна из наших команд вернулась. Таким образом, он сам решил вернуться: вместо того, чтобы говорить "вы не правы", он отметил, что ему не понравилась погода. Это было решение, продиктованное истинным смыслом ответственности в альпинизме.

Снова и снова альпинисты на Северной Стене сталкивались с трудностями, из-за того, что позволили себе поторопиться не только из-за состояния Стены или погодных условий, но и соревнуясь с другими. Фёрг, один из самых замечательных альпинистов, которые пытались покорить вершину, не хотел позволить себе торопиться.

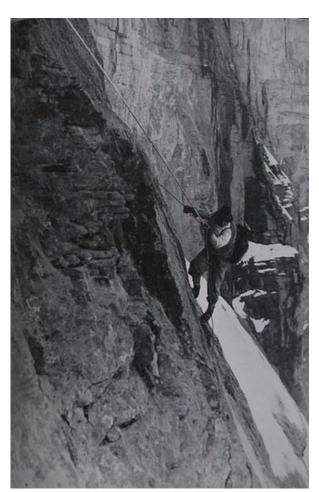

Работа на стене

В тот момент, не было времени для психологических размышлений или решения подобных проблем. Сама стена предлагала нам реальные проблемы, поскольку мы достигли "Трудной расщелины". Сумерки были вынуждены, наконец, уступить первому яркому утреннему свету. Мы лезли вверх, и Фриц занялся первой серьезной стенкой со свойственным ему мастерством.

Тяжелый рюкзак за его плечами охладил его спонтанную попытку пройти стену с хода. Ему пришлось спуститься вниз и оставить рюкзак у моих ног. Тогда он сделал второй бросок. Одно удовольствие наблюдать за ним. Он взбирался все выше и выше, элегантно, используя каждую трещину, не выбиваясь из собственного ритма, не прилагая лишних усилий. И в поразительно короткий срок он справился с этим первым бастионом на Стене.

Работа по подъему рюкзака Фрица была трудной, и, к тому же огромной тратой времени, он цеплялся за все выступы. Первый рюкзак мы все-таки, в конце концов, вытащили наверх; второй же, весящий 25 кг., я потащил на своих плечах. У нас уже просто не было времени на развлечение по вытаскиванию второго рюкзака. Фриц выбирал меня внатяг; его помощь, по крайней мере, возмещала вес моего рюкзака, и скоро я также был на верху расселины.

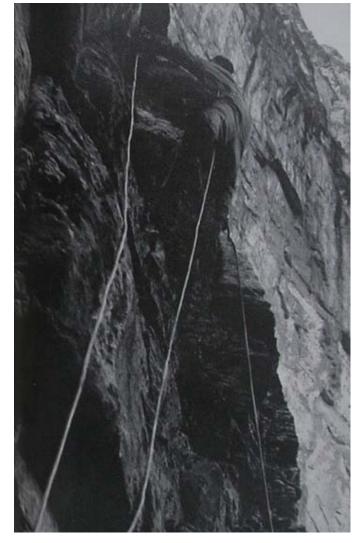

С тяжелым рюкзаком

Прохождение этого бастиона дало мне первое предчувствие того, что было у Стены в запасе; но тот факт, что я не потерял дыхание, проходя расселину, усилил мою уверенность в том, что я был готов к физической нагрузке. Есть, конечно, огромная разница между балансированием, подобно гимнасту под куполом цирка, на даже самой сложной стене Доломит и восхождением с тяжелой поклажей по Стене Айгера. Но разве способность таскать тяжелые рюкзаки не является необходимым умением для каждого успешного восхождения?

Преодоление «Трудной расщелины»

Многие альпинисты будут для подъема использовать старые петли, оставленные в "Трудной расщелине". Мы предпочли подниматься свободным лазанием. Скалолаз, обладающий мастерством Каспарека, использует петли только там, где они абсолютно неизбежны.

Рыжий отвес

К тому времени мы были чуть ниже «Рыжего отвеса», той гладкой стены, тридцатиметровой высоты, которая уходит зализанными скалами в небо. По правилам, опирающимся на человеческий опыт, стены гор спят спокойно рано утром, скованные ночным холодом. Камни приморожены и неподвижны.

Но Стена Айгера не подчиняется никаким правилам Куинсберри; еще один пример того, что ей наплевать на все уловки людей. Камни внезапно посыпались вниз. Мы видели, как они летели через край «Рыжего отвеса» и просвистели над нами, описав широкую дугу. Стена открыла заградительный огонь. Мы поспешили вверх, чтобы быстрее добраться до подножья отвеса, где, прижавшись к стене, мы могли почувствовать себя в безопасности.

Прогрохотал еще один камнепад. Камни ударяли в стену ниже нас, раскалываясь на тысячу кусочков. Потом мы услышали голос Фрайзля, не призыв о помощи или SOS, просто разговор, одному из них камень попал в голову и ранил.

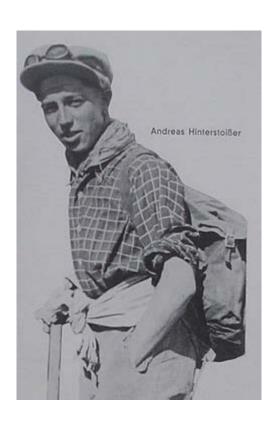
"Что-то серьезное? Вам помочь?" спросили мы.

"Нет, но у меня ужасно кружится голова. Мне кажется, с нас хватит. Придется возвратиться". "Вы справитесь сами?" "Да, все нормально". Нам было жаль, что два наших венских друга не смогли составить нам компанию, но мы не стали отговаривать их. Таким образом, Фрайзль и Бранковски стали спускаться обратно вниз.

Рыжий отвес

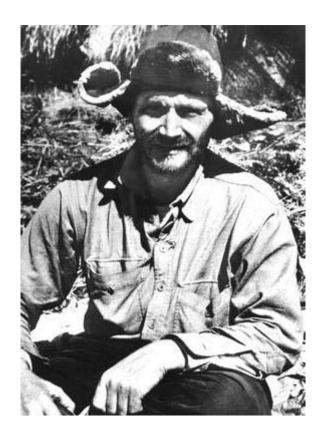
Теперь, перед восходом солнца, мы двое остались снова одни на Стене. Только что нас было шестеро, теперь Фриц и я могли рассчитывать только на помощь друг друга. Мы не обсуждали этого, но подсознательно это усилило наше чувство взаимопомощи и товарищества. Мы быстро продвигались по простым скалам, и затем, внезапно, мы очутились на переходе, который Ребич и Фёрг годом раньше окрестили как "Траверс Хинтерштойсера».

Скалы, вдоль которых мы теперь должны были пройти траверсом влево, вертикалью прорезали прозрачный воздух. Мы были восхищены отвагой и мастерством Хинтерштойсера, который прошел этот траверс через первое ледяное поле, понимая всю сложность задачи.

Тони Курц и Андреас Хинтерштойсер

Погибший Тони Курц

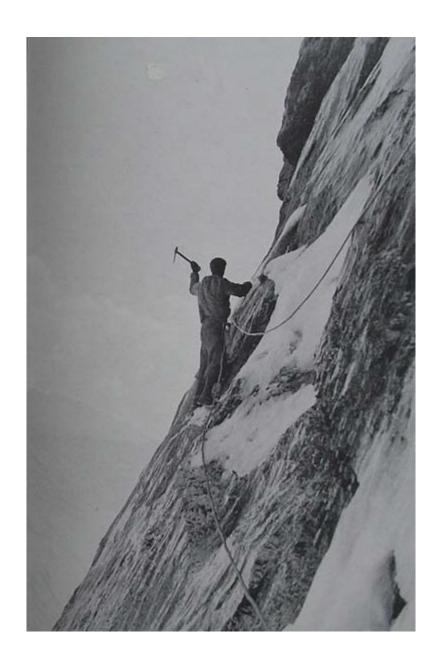
Hans Schlunegger, Arnold Glatthard and Adolf Rubi. Гиды, пытавшиеся спасти Т.Курца

Срыв на таком траверсе был чреват возникновением огромного «маятника». Мы были полны благодарности также Фёргу и Ребичу за то, что они оставили веревку на траверсе – передавая нам этим привет, она была очень даже кстати. Мы проверили веревку и убедились, что она надежно закреплена и её можно безопасно нагружать, хотя она провисела в течение двенадцати месяцев под штормами и ливням, во влаге и холоде.

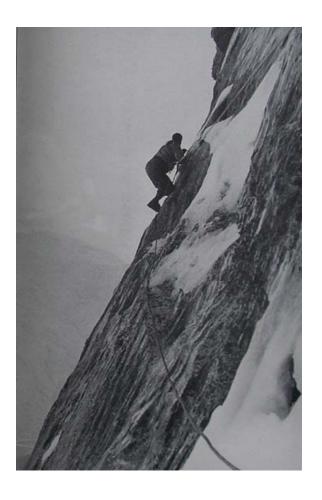
Траверс Хинтерштойсера. Современное состояние

Из отчетов, описаний и фотографий мы знали, как проходить траверс. Никто, однако, не разъяснял, что делать, когда вся стена покрыта натечным льдом. Скала была полностью обледенелой, без единого выступа на который можно было бы стать ногой.

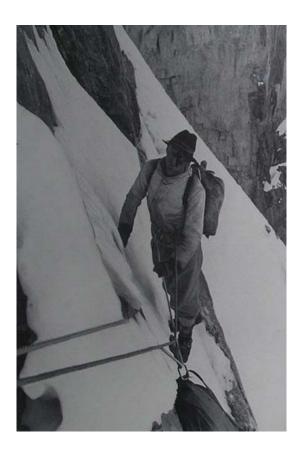
На траверсе Ф.Каспарек

Тем не менее, Фриц проходил траверс со свойственным ему поразительным умением, балансируя на скользком льду, проделывая свой путь, сантиметр за сантиметром, метр за метром, поперек этой трудной и предательской стены. Местами ему приходилось ударами ледоруба сбивать со скалы снег или корку льда; ледяные осколки соскальзывали вниз со скалы с высоким звенящим звуком, и исчезали в пропасти.

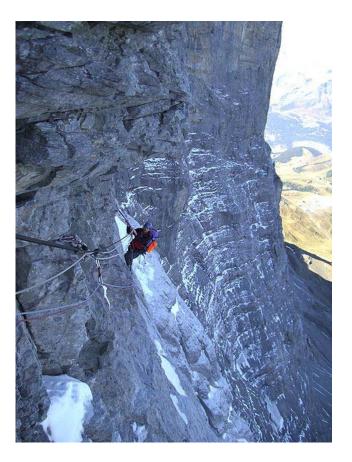
Ф.Каспарек проходит траверс

Но Фриц уверенно держался, прокладывая свой путь влево, взбираясь, зависая возле скалы на веревке, от зацепки до зацепки, пока не достиг дальнего конца траверса.

Г.Харрер проходит траверс, толкая рюкзак Ф.Каспарека

Тогда я пошел следом, толкая рюкзак Фрица, подвешенный на перилах, перед собой, и скоро присоединился к напарнику на той стороне. Вскоре после траверса мы попали в "Ласточкино гнездо", место бивака, которое стало известным благодаря Ребичу и Фьёргу, и там мы остановились для отдыха и небольшого перекуса. Погода держалась, и прекрасный рассвет превратился в замечательный день. Освещение был настолько хорошим, что уже стало возможно сделать несколько снимков траверса, траверса, который является, конечно, одним из самых фотогеничных во всех Альпах.

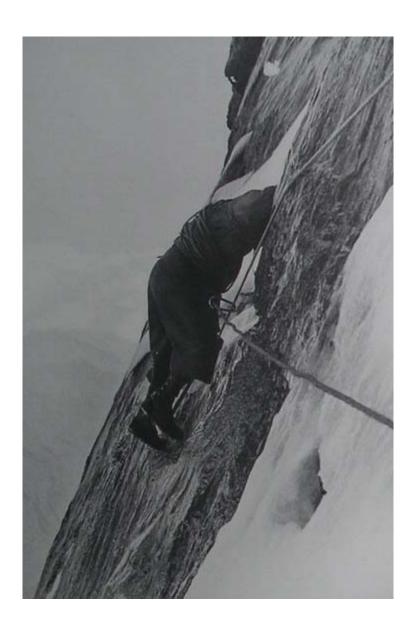
Современное состояние траверса Хинтерштойсера

Этот прозаический эпитет описывает целую историю – чрезвычайные трудности, подверженность опасности, смелость передвижения. Но я сразу хотел бы воспользоваться возможностью и исправить недоразумение: Траверс Хинтерштойсера, безусловно, один из ключевых этапов восхождения, но отнюдь не единственный.

Траверс Хинтерштойсера. Современность.

На этой невероятно огромной Стене есть многочисленные ключевые места, которые – благодаря успешному возвращению Ребича и Фёрга – к настоящему времени разведались до "Смертельного бувуака Зедлмайера и Мерингера". Пока еще мы не знали, какие ключевые участки поджидали нас там, на заключительном этапе восхождения. Пока мы знали только то, что во всех Альпах, эта стена – поразительный объект для восхищенного зрителя и высокая, но дорогая цель для лучших из существующих альпинистов.

Прохождение траверса

Мы шли великолепно, погода была прекрасна, и мы не сомневались, что у нас были хорошие шансы на успех; но мы не забывали, что лучшим из лучших альпинистов пришлось отступить. Поэтому мы оборудовали "Ласточкино

гнездо" для возможного пути отступления. Старой веревки, оставленной в 1937 командой на траверсе, было не достаточно для осуществления спуска. Мы решили точно просчитать маршрут возвращения. В 1936 отсутствие расчета оказалось фатальным для команды из четверых альпинистов; трагедия, которая достигла своего апогея с ужасной смертью Тони Курца.

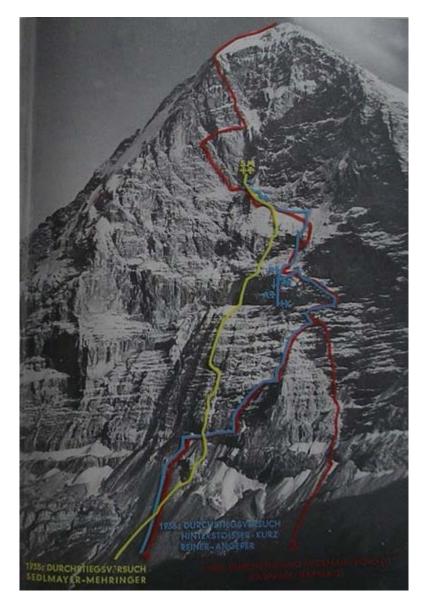
Тони Курц

В "Ласточкином гнезде" мы оставили 100 метров веревки, крючья, веревочные петли, и провизию. Было 21-е июля 1938. Ровно два года назад в этот же день Хинтерштойсер провел часы в отчаянных попытках вернуться назад по траверсу, который он сам открыл. Все было напрасно.

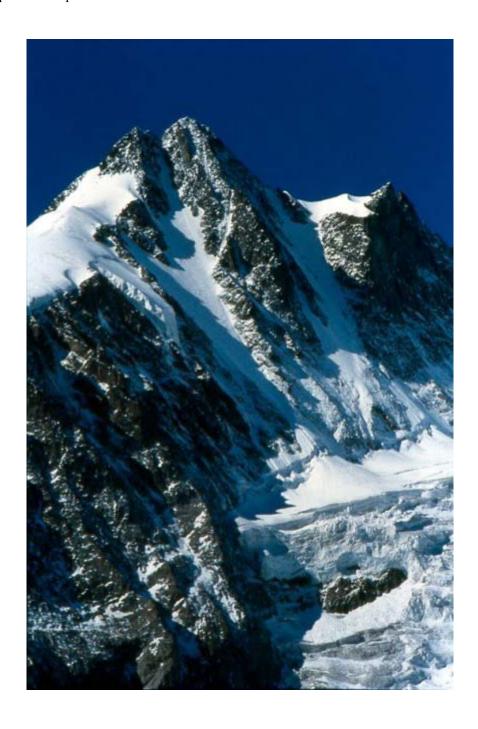
Е.Райнер и В.Ангерер

Он, а с ним Ангерер и Райнер, умерли в тот же день. Мы были чрезвычайно опечалены этими воспоминаниями. Если бы только те четверо восходителей оставили свою перильную веревку на траверсе, если бы у них была достаточно длинная веревка в "Ласточкином гнезде", если бы да кабы... Мы должны были благодарить мертвых за наши знания. Память заставила нас задуматься и опечалится, но мы не дрогнули. В жизни есть свои законы, которым мы повинуемся подсознательно. Предшественники указали нам путь.

Маршруты: 1935г. (зеленый)1936 г. (синий)1938 г. (красный)

Фриц надел свои кошки и вышел на Первое ледовое поле. Здесь не было никакого фирна, вместо него был твердый, ломкий натечный лед. Я оценил склон в 50-55°, то есть, несколько круче, чем средняя крутизна кулуара Паллавичини на Гроссглокнере.

Гроссглокнер. Кулуар Паллавичини

Пройдя на всю длину веревки, Фриц вырубает большую ступень и забивает ледовый крюк, чтобы страховать меня при подъеме. Мы уже начинали понимать, что ошиблись в расчетах, когда решили не брать мои кошки. Теперь, изза их отсутствия, я должен был максимально напрягать мышцы. Ну, ничего страшного, мои тренировки в разных видах спорта пришлись как нельзя кстати...

На Первом ледовом поле

Мы направлялись к вертикальному взлету, который ведет от Первого ко Второму Ледовому полю. Единственный возможный проход, казалось, лежал через желоб, позже названный "Ледовый рукав". Эта перемычка между двумя ледовыми полями – одна из многих хитрых ловушек на этой Стене. Внешне, стена в Доломитах намного более внушительна, чем любой бастион на Стене Айгера. Когда я вспоминаю большую стену в Доломитах, на ней есть много участков, которые кажутся более трудным, более крутым, более недоступным, чем на самом деле. Но когда вы дотрагиваетесь до скалы в Доломитах, вы немедленно восхищаетесь грубой поверхностью, горизонтальными зацепами, горизонтальным расположением впадин и надежных трещин и расселин, в которые можно благополучно вбить крючья. Но здесь? Первая иллюзия – покрытая льдом скала не выглядит особенно трудной. Все, что вы должны сделать, это забить в нее крючья для страховки ..., но на этой стене не возможно организовать страховку! Фактически нет ни одной трещины для надежного крюка, и нет ни одной подходящей щели. Кроме того, скала отполирована падающими камнями, которые летят вниз вперемешку со снегом и льдом и текущей с ледового поля водой. Это не приглашение на веселое восхождение, стена не внушает доверия; она просто угрожает предельно трудным и опасным лазанием. Но что поделаешь, это - часть Северной Стены Айгера, на которую мы пытаемся подняться...

В «Ледовом рукаве»

"Ледовый рукав" подтверждает свое название. Скала была залита водой и, местами, обледенела. Вода лилась вниз под замерзшим слоем, между льдом и скалой, вырываясь наружу. Единственный путь был через нее. Вода заливалась в рукава наших штормовок, пробегая по всему телу, попадала в считанные секунды в гетры, которые должны были отделять наши брюки от ботинок, и выливалась наружу.

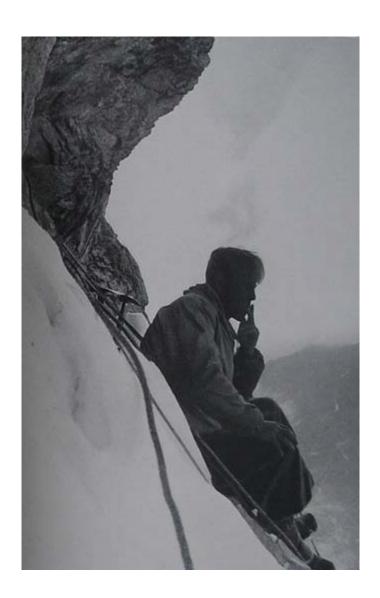
Не было практически не одной щели в этом желобе, состоящем изо льда, скалы и воды. Стена была суровой, и от нас требовалась превосходная техника лазания и искусные, обдуманные маневры. Здесь Фриц также показал высший класс; но прошли часы, пока мы достигли Второго Ледового поля. Мы промокли до нитки, когда добрались туда. Это было все еще днем. Высоко и широко над нами распростерлось Второе Ледовое поле. Наш путь шел по диагонали вверх, к левому острому гребню, прозванному "Утюг", в направлении последнего бивака Зедлмайера и Мерингена.

Огромный ледяной фартук казался маленьким с того места, где мы стояли; но, даже учитывая обман зрения и помня, что таким первоклассным знатокам льда, как Ребич и Фёрг потребовалось пять часов – двадцать веревок – чтобы достигнуть его верхнего края, мы все еще имели достаточно времени, чтобы сделать это и, вероятно, даже достигнуть "Бивуака смерти". Все же у нас еще было, по крайней мере, шесть часов дневного света. Несмотря на это, мы решили подняться не налево, а вправо, к небольшой скале, торчащей из-под снега выше верхнего края Рыжего отвеса. Прекрасный полдень позволял солнцу бить по диагонали вниз на верхнюю часть Стены – туда, где "звенят ручейками маленькие сосульки". Именно с этого начинаются лавины; и камни, однажды выпущенные на свободу из ледяного заключения, имеют привычку подчиняться законам гравитации. Дальше по маршруту – потому что надо было идти траверсом по диагонали поперек Стены сотни метров по ледовым полям – снежные обвалы, камнепады и каскады воды низвергались в вертикальном падении от "Паука". По общему признанию, каждый камень находит мишень.

Но мы так тщательно подготовились к обратному пути в "Ласточкином гнезде" не для того, чтобы быть забитыми камнями или сметенными со Стены лавинами в этом месте. Падающие камни находятся в списке "объективных" опасностей восхождения или другими словами, как обстоятельствами, над которыми человек не имеет никакого контроля; но не отслеживание глазами движения падающих камней, является уже субъективным фактором опасности, результатом явной безответственности или глупости. Этот огромный ледяной фартук был местом, которое надо проходить ранним утром. Даже в этом случае опасность от камней не будет полностью устранена, но она будет сведена к минимуму.

Мы достигли намеченной скалы и смогли забить два страховочных крюка; потом мы потратили несколько часов, вырубая маленькую полочку во льду чуть ниже. Все еще было светло, когда мы начали заканчивать обустройство нашего бивака. Мы привязали себя и наши вещи к страховочным крюкам, подложили под себя бухты веревки, и стали готовить обед. Скала предоставляла нам полную защиту от камней; вид с нашей ночевки открывался великолепный.

Ф.Каспарек на Первом биваке

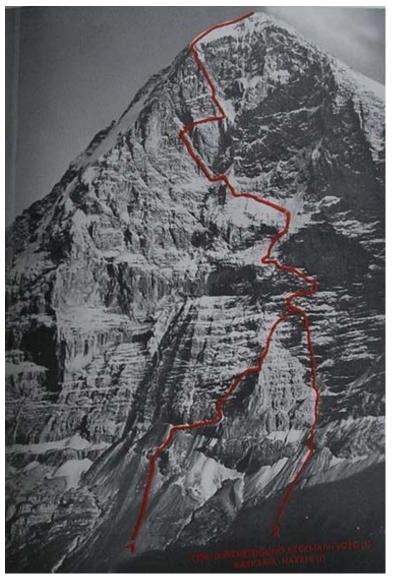
Были все условия для прекрасного бивака; но мы промокли до нитки. Все же, хотя у нас и была теплая одежда и сменное нижнее белье в рюкзаках, мы решили не рисковать, переодеваясь, или натянуть теплые куртки на промокшую одежду. Мы не знали, на что способна погода, или как часто, где и при каких условиях у нас будут следующие биваки. Таким образом, мы должны были держать наши запасы сухими для будущих ночей; но нужна была сильная воля, чтобы не достать их из рюкзаков и надеть, даже зная, что лучше повременить. Ночь была длинна, холодна и неудобна. Бивак оказался не таким замечательным, как представлялся вначале. Только позже мы поняли, что он был худший на всей Стене, несмотря на его, сравнительно хорошее, место расположение. Наша мокрая одежда сделала нас вдвойне восприимчивыми к холоду; наши сознания и души были столь же возмущены, как и наши тела, пытаясь справиться с дискомфортом. Но каждая ночь когда-нибудь заканчивается. В серой пелене рассвета мы начали собираться, стуча зубами, и подготовили веревки к предстоящему восхождению.

Начало подъема после Первого бивака

Погода была все еще хороша, холод приморозил все камни, и мы начали подниматься по диагонали через Второе Ледовое поле. И только здесь мы осознали в полной мере, какую ошибку допустили, оставив мои кошки. Фриц компенсировал этот прокол огромной затратой энергии, поскольку ему пришлось рубить ступени во льду. Было удивительно наблюдать, как мастерски орудовал ледорубом этот лучший скалолаз Вены. В течение многих часов подряд он ритмично размахивал ледорубом, чтобы вырубить ступеньку за ступенькой, отдыхая только на точках страховки, чтобы принять меня. И ступеньки были настолько хороши, что шипы на моей подошве прекрасно держались на них.

Сверху вниз, Ледовое поле похоже на гладкую поверхность; но это – чистая иллюзия. Огромные волны на

поверхности льда создавали впечатление, что мы уже вот-вот подойдем к безопасным скалам вверху; но мы скоро понимали, что только достигли очередной выпуклости во льду, и что дальше была еще одна ледовая долина, которую нам предстояло пересечь. Это было явление, с которым альпинист так часто сталкивается в Западных Альпах, когда принимает один из многочисленных снежных карнизов за главную вершину. Экипированный по последнему слову техники альпинист пользуется ледорубом, как гид прошедшей Альпийской эпохи. Скорость современного восхождения; сущность настойчивое, медленное продвижение - дань классического прошлого. Мы, естественно, тратили много времени, потому что мы использовали технику прошлого. Даже Ребич и Фёрг потратили пять часов годом раньше, чтобы пересечь этот огромный участок льда. У нас ушло точно такое же время.

Как раз перед скалами, отделяющими Второе от Третьего Ледового поля, я оглянулся назад, вниз на нашу бесконечную вереницу ступеней. Над ней я увидел Новую Эру, приближающуюся на предельной скорости, там были двое бегущих мужчин — и я подчеркиваю — бегущих, а не взбирающихся вверх. По общему признанию, искусные альпинисты могут двигаться быстро по хорошим ступеням, но для этих двух, достичь этой точки ранним утром было положительно удивительным. Они, должно быть, расположились биваком вчера вечером на более низкой части стены; было практически невозможно, чтобы они вышли на восхождение только сегодня. Но это был, фактически, тот самый случай.

Слева маршрут выхода на стену Хекмайера-Фьёрга, справа –Каспарека-Харрера

Эти два были лучшими из всех "Кандидатов на покорение Айгера" – Хекмайер и Фёрг – использовали свои двенадцатизубые кошки. Я чувствовал себя весьма старомодным в моих старых, подбитых гвоздями ботинках. Мы обменялись краткими приветствиями; потом они подошли к Фрицу. Я знал моего друга и его уважительное отношение к альпийскому этикету достаточно хорошо; я знал, что он предпочитал самостоятельно выбирать маршруты и что, хотя он и носил благородный значок Горноспасательного отряда, сам он не любил принимать помощь.

Даже на очевидно шуточный вопрос Хекмайера, не хочет ли он возвратиться, он ответил крепким венским словцом. Но Андерль не хотел начинать ссору. У него не злобная натура; кроме того, у Каспарека и Хекмайера было глубокое уважение друг к другу, и потому результатом встречи не было ни разногласие, ни конкуренция, а объединение, которое редко встречалось на этой могущественной стене. Мы, естественно, продолжали подниматься как две отдельных связки, но теперь во главе с Хекмайером и Фёргом. Они позже сказали нам, что увидели, как возвращаются Фрайзль и Бранковски; после этого их ничего не сдерживало. Они вышли на стену ранним утром, и вот уже догнали нас. Теперь мы движемся все вместе...

Смертельный бивуак

Мы двигались вверх по крутому контрфорсу к "Смертельному бувуаку" в синхронном темпе. В течение нашего долгого полуденного отдыха мы чувствовали себя одной командой. Ни слова разочарования. Казалось, что мы давно планировали подняться вместе, и теперь, в конечном счете, мы все были рады объединиться. Расхождения мнений по поводу дальнейшего маршрута не было. Он вел от нашего места отдыха по диагонали вниз поперек Третьего Ледового поля к подножью "Рампы", участка стены, резко взмывающего к Северо-Восточному склону, по которому проходил маршрут первовосхождения Лаупера; затем от верха "Рампы" траверсом вправо к "Пауку"; поперек "Паука" и затем по выходным расщелинам к фирну вершины, венчающему заключительную стену.

Все это только кажется легким при описании. На самом деле, каждый из названных участков имеет свой собственный большой знак вопроса. Но когда я смотрел на моих компаньонов, Фрица, Андерля и Вигерля, я чувствовал полную уверенность, что любая вершина, наименее подходящая для восхождения, может быть легко пройдена нашей четверкой. Возможно, было реально подняться прямо по стене от "Смертельного бувуака" к "Пауку", но мы не могли внимательно изучить стену, поскольку смотрели через пропасть.

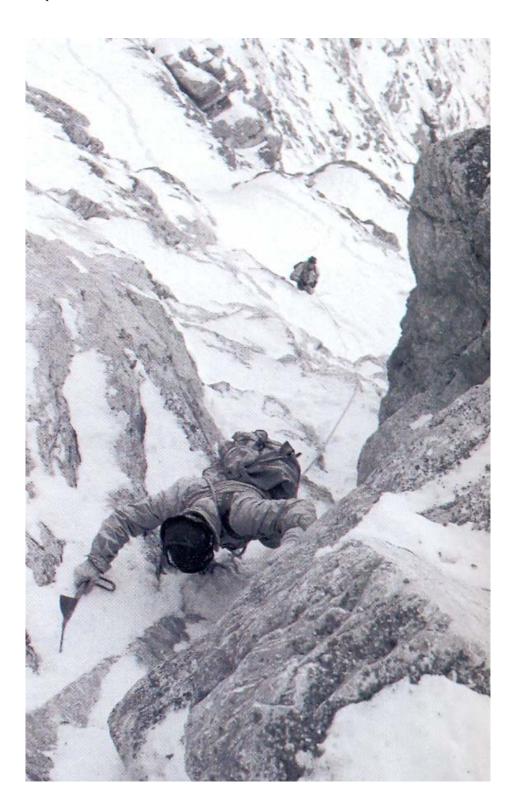
Туман опускается на Айгер

Туман опускался на горы, и начинал медленно сползать вниз, направляясь к нам. Это был туман, который "там" именуют, как "Комок ваты" Айгера и он обволакивает каждую отдельную вершину. Но нас этот факт сильно не расстроил. Это одна из нормальных особенностей Айгера – надеть колпак для послеобеденного сна, к яростному разочарованию любопытных, припавших к подзорным трубам. Мы, конечно, не могли судить о силе того разочарования, так как билеты и люди, стоящие за ними в очереди, остались далеко позади, а желающие взглянуть на Стену должны были заплатить за трехминутный просмотр, в независимости от того, видели ли они что-нибудь или нет. Тем временем, скрытые от посторонних глаз, мы шли траверсом по ледяному склону в 60 градусов, к началу "Рампы".

На рампе

"Рампа" внешне не отличается от остальной Стены, но все же намного труднее, чем кажется. Вы не можете бежать по ней вверх, поскольку нет никаких зацепок для ног или рук. Здесь стена круто идет вверх и обрывается вниз огромными сбросами, и трещины, в которые можно загнать крюк, буквально наперечет. В любом случае, я вбил хороший страховочный крюк у подножья "Рампы". Я стоял, наблюдая за Фрицем, как он двигался вверх четкими, ритмичными движениями, к точке, приблизительно в 25-ти метрах выше меня. Внезапно он поскользнулся. Я не могу сказать, ослабли у него руки или он потерял точку опоры. Все произошло внезапно – раз, и он уже вне поля зрения. Я посильнее уперся и стал ждать самого ужасного. Я знал, что крюк был забит прочно и что он не подведет. И страховочная веревка, обвитая вокруг моих плеч, должна выдержать рывок. Любой идущий без страховки в этом месте слетел бы вниз прямо к подножью стены...

Удача улыбалась нам. Веревка остановила падение у небольшого снежного надува, на поверхности фирна. Скорость падения Фрица была такой, что рывок, который я погасил, был вполне терпимым. Но не был ли Фриц ранен? Вскоре я успокоился. Снизу донеслось несколько слов, понятных только тому, кто хорошо знает венский сленг – отборные крепкие выражения.

Затем Фриц полез снова. Скоро он был наверху "Рампы", двигаясь и далее вверх, как ни в чем не бывало, пока я не закричал ему, что веревка закончилась. Когда я взбирался, я посмотрел на место, где он сорвался. Фриц пролетел 18 метров, не касаясь стены, прямо от диагонали "Рампы" и потом уверенно поднялся назад трудной трещине. Мы вспоминали об этом срыве. Фриц держался спокойно, как игрок, у которого во время партии выпадают такие кости, необходимо возвратиться к началу в "Змеях и Лестницах". Мы были нисколько не расстроены:

только смеялись, потому что продолжали наслаждаться жизнью. Никаких сентиментальных рукопожатий или объятий. Вернуться назад и повторить все сначала – вот как мы воспринимали это. Это было свойственно Фрицу – продолжить подъем после падения, поскольку он не повредил себя. И это было весьма естественно для меня – задержать его, потому что, именно для этого я и находился там. Фриц просто был правильным напарником для этой большой Стены. Ему казалось бесполезным обременять своих друзей фразами «а вот если бы...» и «предположим, что...», рассуждениями о том, "что могло бы случиться", или вопросом, "почему это случилось?" То, что действительно имело значение, было то, что все закончилось благополучно. Ближе к вечеру все четверо были снова вместе.

Над нами "Рампа" заканчивалась узким колодцем с трещиной, выходящей из него. Вода размыла трещину. Ни один из нас не расположился на бивуак во влажной одежде — наша высохла в течение утра, в то время, как мы пересекали Второе Ледовое поле. Мы считали, что день прошел достаточно успешно. Трещина была бы хорошей прелюдией к работе следующего дня.

И мы начали готовить место для ночевки. Это звучит довольно прозаически. И мы думали, что найти место для бивуака будет достаточно просто, когда смотрели на "Рампу" на фотографиях или в трубу. Мы даже думали, что наметили эти места. Фактически никаких мест не оказалось, ни единого места. На всей стене приемлемые полочки были редкостью.

А.Хекмайер и Л.Фёрг на биваке

Мы расположили наш бивуак приблизительно на 2,5 метра ниже того, что был у Хекмайера и Фёрга. Мы сумели забить один единственный крюк в крошечную щель в скале. Это был тонкий горизонтальный крюк. Он вошел только на сантиметр, но достаточно прочно. Очевидно, что как только мы нагрузим его всем своим весом, он сработает как рычаг и может вырваться. Поэтому мы загнули его вниз, пока кольцо не коснулось скалы. Таким образом, мы покончили с любыми вопросами о рычаге и знали, что могли положиться на нашего маленького серого стального друга.

Сначала мы повесили на него все свои вещи и, после этого, привязались сами. Не было места, чтобы даже сесть. "Рампа" была очень узкой и крутой в этом месте; но мы сумели изготовить своего рода сидения при помощи самостраховки, и свесили наши ноги над бездной. Рядом со мной была крошечная ниша, достаточная для размещения нашей плиты, итак у нас была возможность сделать чай, кофе или какао. Всем нам была крайне необходима жидкость.

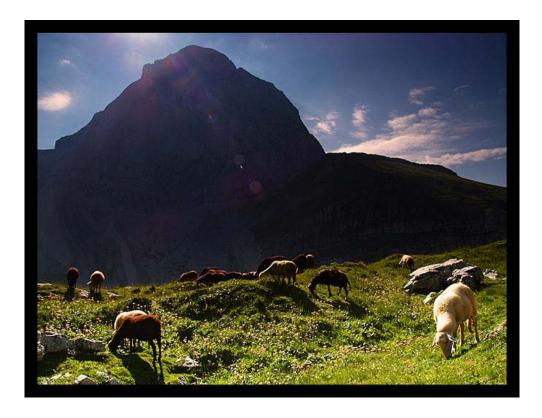
Шеф-повар Харрер

Хекмайер и Фёрг расположились не намного удобнее. Отношение к отдыху Фёрга, "Короля Бивака" было весьма примечательно; даже в месте вроде этого он не собирался жертвовать возможным комфортом. Он переоделся в мягкие чуни из овечьей шерсти, и выражение его лица говорило нам о том, что он разбирался в таких вещах. Не будет преувеличением сказать, что все мы чувствовали себя достаточно комфортно и удобно.

Опытные альпинисты поймут моё утверждение, а непрофессионалы должны просто поверить этому. Известный философ, когда его спросили, что есть истинное счастье, ответил; "Если у вас есть немного бульона, место для сна и вы не испытываете физическую боль, вы на верном пути". Мы можем дополнить его определение. "Сухая одежда, надежный крюк и драгоценное живительное питье – вот истинное счастье на Северной Стене Айгера."

Да, мы были весьма счастливы. Это огромная Стена привела наши жизни к общему знаменателю. После готовки в течение многих часов, мы натянули на себя спальные мешки и попробовали найти максимально удобное положение, так, чтобы удалось, по крайней мере, подремать. Было замечательно встречать приход ночи в сухой одежде. Мы находились на высоте примерно, на 1200 метров выше снежников у основания стены; если бы один из нас упал с этой высоты, он бы точно не выжил. Но кто думал о падении? Это был хороший бивуак. Боль в мышцах и дискомфорт не мешали потоку наших мыслей.

Когда я заснул, то видел картину, счастливую, солнечную картину того, что произошло со мной, когда я был совсем молод, не мираж о прочной крыше над моей головой или теплой кровати, а воспоминания об одном из моих первых походов в горы.

Вершина Мангарт. Фото М. Lipar

Это произошло, когда мне было всего 15. Я поднялся в полном одиночестве на вершину Мангарт, прекрасную вершину в Юлианских Альпах, и спустился, очень гордый своим собственным великим достижением. Я дошел до огромной осыпи, достаточно несложной, как и все подобные в Юлианских Альпах, в километры длиной. Вниз я спускался через узкое ущелье, бредя по нему долгое время.

Солнце палило, и язык прилип к небу. Там, посреди осыпи, я видел, как два орла отрывали огромные куски плоти от тела серны. Хищные птицы неохотно улетели, завидев меня. Я был столь заворожен открывающимся видом, что моментально забыл о своей жажде. Я был молод, и не мог смириться с тем, что смерть одного существа означала рождение другого. Я задавался вопросом, было ли это неизменным законом Природы? Было ли это верно для людей так же, как для животных? Каждая часть моей сущности была против этого понятия.

Озеро Weissenfelser

Я спустился к берегу озера Weissenfelser. Там, у озера, стояла хижина пастуха, рядом с ручьем, звенящим кристальной струей воды. Я наклонился и пропустил воду сквозь пальцы. Потом я пил, и пил, и пил.... Внезапно я услышал грубый голос за своей спиной. Высокий, седой пастух стоял там, его остро-очерченное лицо было выжжено солнцем до красного цвета. "Парень, зачем ты пьешь воду?" спросил он. "Там в моей хижине есть прохладное молоко и сметана. Ты можешь утолить свою жажду, расположившись в доме".

Я никогда не забуду старика, который грубо со мной заговорил, чтобы оказать мне добрую услугу. Пару дней я оставался у него в гостях, ел и пил все, что производила его маленькая ферма, молоко и сливки, творог и сыр. Он был гордым, гостеприимным человеком и, что еще более важно, образованным и много повидавшим, свободно говорившим на восьми языках.

На протяжении многих лет он работал коком на судне, избороздил океаны, и все события его жизни, в целом, оставили добрые воспоминания о его собратьях. Я вспомнил жуткую картину орлов, терзающих мертвую серну. И тут же понял, с восприимчивым идеализмом молодости, что жестокость Природы не должна проявляться среди людей. Люди должны быть доброжелательными...

Вершина Мангарт и озеро

С этими воспоминаниями о старике с озера Weissenfelser, я и погрузился в глубокий и лишенный сновидений сон. Я не знаю, как долго я так проспал. Внезапно, во сне, я вновь увидел перед собой старика. Его лицо больше не было добрым; он сердился и пытался меня растолкать. Я пробовал избавиться от него, желая поспать еще, но не мог, настолько он был силен. Он схватил меня и хорошенько встряхнул.

Я пробудился ото сна лишь наполовину, но все еще чувствовал жесткое давление на грудь. Это была веревка. Во сне я соскользнул с моего выступа, и повис всей массой на веревке. Я уже понял, что был на "Рампе", на Северной Стене Айгера, и что я должен проснуться, подтянуться и снова занять сидячее положение; но я был слишком сонным.

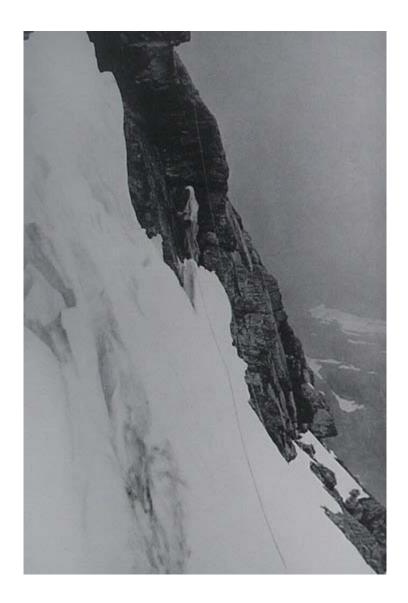
Смутно я понимал, что нельзя ни на секунду дольше висеть на крюке, который забит в скалу лишь на один сантиметр; но хотелось еще немного приятно подремать до того, как исправить положение. В результате, я уснул снова...

Как только я забылся, мой сон вернулся. На сей раз, старик потряс меня настолько сильно, что я окончательно проснулся. Я встал в стременах и возобновил сидячее положение на той головокружительной высоте на небольшом выступе. Фриц пробормотал что-то во сне.

Тогда я услышал Андреаса и Людвига, разговаривавших надо мной. Фёрг казался взволнованным, и я спросил, что случилось.

К тому времени я уже полностью проснулся. Мне уже не было холодно. Рядом со мной, в нише, стояла плита. "Я заварю тебе немного чая, Андерль", сказал я. "Это всегда помогает". Чай – конечно, король всех напитков. Он помогает при холоде, он помогает сбить высокую температуру, против дискомфорта и тошноты, отлично справляется с усталостью и слабостью. И в нашем случае, чай также помог. Сардины успокоились в животе Андерля.

Мы дремали и спали, пока звезды не начали гаснуть, и свет нового дня стал пробиваться сквозь предрассветные сумерки. Ночь отступила; и она была не такой уж и плохой. Фёрг начал готовить около четырех часов утра. Как и все остальное, он делал это глубокомысленно, неторопливо и тщательно. Он приготовил много овсянки и кофе. Это приободрило нас и прогнало холод.

Выход с бивака

Было уже семь часов, когда мы, наконец, начали двигаться вверх. Справиться с трещиной в колодце ранним утром было тяжелым физическим испытанием для тел, еще не размятых после сидячей ночевки.

[&]quot;Андерлю нехорошо", ответил он.

[&]quot;У него расстройство желудка из-за сардин, которые он съел вчера вечером".

Утром маршрут не стал намного легче, чем вчера вечером, за исключением того, что водопад замерз. На его месте, на скалах, блестела тонкая корка льда. Даже Андерль, идущий впереди, казался озадаченным. Видимо он решил, что напрямик был лучший путь и шел прямо по колодцу, вбивая крюки везде, где это было возможно.

Один из них казался достаточно надежным. Андерль прокладывал свой путь все выше и выше, демонстрируя высший технический пилотаж, срубая лёд, и проходя нависающие участки. Он сильно нагружал крючья, чтобы испытать их, и они выдерживали нагрузку. Секундой или двумя позже наш друг благополучно повис на хорошем крюке, на отрицательном участке стены.

Так не пойдет, решил Андреас Хекмайер: навесы не должны нас задержать. Он действительно очень рассердился. Поэтому он надел свои знаменитые двенадцатизубые кошки. Потом он развлек нас показательным выступлением с элементами акробатики, которые мы прежде не видели.

Это была наполовину превосходная скалолазная техника, наполовину танец на льду. Он зацепился за скалу, придержался за лед, согнулся пополам и выпрямился, идя на передних зубьях кошек по льду. Они были длиной всего в несколько миллиметров, но этого было достаточно.

Хекмайер победил этот сложный участок маршрута, вырубил ступени и забил крючья в ледовый склон, а затем принял Фёрга. Мы все еще двигались двумя независимыми связками.

Теперь была очередь Каспарека заняться трещиной в колодце. У него не было никаких двенадцатизубых кошек, но у него был абсолютно другой подход к маршруту. Он пошел прямо, избегая покрытых льдом скал. Показывая мастерское прохождение, он как будто бы занимался скалолазанием у себя дома, а не на большой Стене Айгера.

Я шел последним. Потом мы все четверо вместе собрались на льду, глядя вверх в недоверчивом удивлении, пораженные угрожающе нависающей стеной льда с карнизом, в которую упирается маршрут, льда, который преградил все дальнейшее продвижение по "Рампе".

Кто-то вообще мог бы подняться на него? Нависающий лед был больше 10 метров высотой. Я никогда не видел ничего подобного, и остальные тоже сначала казались изумленными. Пойдем слева? Нет. Справа? Нет. Прямо казалось наилучшим выбором: но действительно ли этот "лучший" вариант является реальным?

Хекмайер сделал попытку. Он начал забивать крюки в лед ниже отрицательного участка. Один из них вошел криво. Затем он осторожно стал пробираться вверх. Со стены свисали сосульки, на одной из них он навесил петлю и подтянулся вверх. Это выглядело ужасающе, но он пренебрег опасностью; сантиметр за сантиметром он двигался вверх, но как только он повис всем весом на сосульке, симпатичная блестяшка отломилась и он слетел...

Крюк выдержал.

Снова мы увидели ту же реакцию, что и прежде. Неудача привела Хекмайера в холодную ярость. Он немедленно занялся нависающим участком снова. На сей раз, он не доверял сосулькам, которыми Архитектор нашей могучей тюрьмы украсил ее. Была ли это действительно западня? Было ли это то место, на котором нам придется сдаться и повернуть назад? Нет, наш Андреас поднялся вверх и выбрался из западни, найдя "ледяную скобу". Сосулька, растущая сверху вниз, соединилась с выступом, покрытым льдом и стремящимся ввысь — сталагмит со сталактитом, оба изо льда, слились в одно целое. И этот предмет, изваянный природой, был призван стать ключом к нашей тюремной двери.

Хекмайер продел петлю через скобу, и, отклонившись в сторону почти горизонтально, сделал несколько зацепок своим ледорубом там, где лед выполаживался. Потом, схватившись за петлю, перешел на вырубленные зацепки. Я никогда не видел участка, который выглядел настолько рискованно, опасно и совершенно экстраординарно.

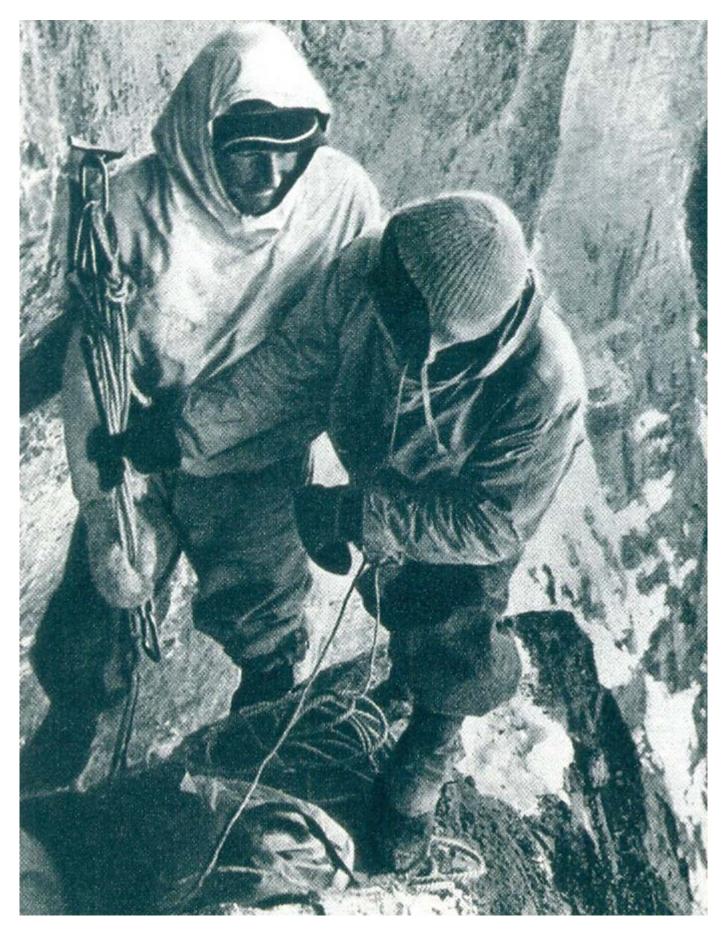
Фриц, который знает многие стены в Альпах, думал, что известная нависающая крыша на Столбе Мармолады была детской забавой по сравнению с этой преградой. Мы были все предельно напряжены. Фёрг крепко сжимал веревку, готовый в любой момент удержать Хекмайера, если тот снова сорвется.

Но он не сорвался.

Мы не могли понять как, но с какой-то щегольской манерой он сумел вставить ледовый крюк глубоко в трещину выше стенки и продеть веревку через карабин. Тогда он отдал приказ: "Выбирай!" Фёрг подтянул его веревкой, по стенке, до крюка.

Хекмайр воспользовался своим ледорубом еще несколько раз. Затем он сказал "Выдавай!" Фёрг ослабил веревку, так, чтобы Хекмайер мог встать, в то же самое время он все еще внимательно следил, на случай если тот сорвется.

Но Хекмайер был скоро на фирне, он прошел еще несколько метров по склону выше стены, срубил слой фирна и забил страховочный крюк глубоко в крепкий лед. После этого, в качестве финальной фразы к необычайно драматической сцене мы услышали долгожданные слова: "Поднимайтесь вверх!"

Перила готовы!

Наши тюремные ворота были открыты. Фёрг вырвался из западни. Северная Стена Айгера настолько обширна, настолько трудна и настолько опасна, что любая демонстрация человеческого тщеславия была бы неуместной. Без сомнения, Фриц и я могли бы подняться на ледовую стенку без какой-либо помощи сверху, но на это мы бы потратили драгоценные часы, которые пригодились бы позже.

Поэтому Фриц не колебался ни минуты и ухватился за веревку, которую Фёрг нам скинул. У нас, следовавших за ним, были отняты острые ощущения и приключение от этого, самого сложного на данный момент участка на Стене, мы только почувствовали тяжесть труда, который был вложен в его прохождение.

А я, как последний на веревке, должен был выбить и принести все крючья. Я был украшен ими как Рождественская елка, и вериги железных крючьев душили меня, когда я взбирался вверх. Ледовый склон выше был легок по сравнению с тем, что мы только что преодолели. Мы прошли совсем немного по льду, а затем сразу же ушли траверсом вправо.

Стена. Фото David Gladwin

Конечно тому, кто сделал успешное первопрохождение, довольно легко кивать головой на ошибки тех, кто следует

за ним. Я не собираюсь делать этого. Но я выражаю удивление тем, что очень многие команды, которые поднялись на Стену после нас, пошли прямо по ледовому склону в направлении Северо-Восточной стены и попытались перейти траверсом к "Пауку" слишком высоко.

Это стало причиной многих задержек и также привело к трагедии 1957. Нам четверым было совершенно ясно, что траверс вправо надо пройти как можно раньше.

Объединенная команда на Стене

Итак, мы шли траверсом от ледовой стенки, вчетвером в одной связке, по ломкому поясу скал ниже нависающего утеса. К тому времени был уже полдень, и мы слышали шипение лавин и стук камней, но мы были защищены от опасности нависанием. В то время как мы пересекали эти разрушенные скалы — Хекмайер был приблизительно в 60-ти метрах впереди меня — мы внезапно услышали назойливое жужжание и воющий звук.

Это был не камнепад, не лавина, а самолет, пролетающий совсем близко от нас. Мы могли видеть лица пассажиров достаточно отчетливо. Они приветственно размахивали руками, и мы отвечали им дружескими жестами. Ханс Стеинер, бернский

фотограф, смог сделать в те мгновения несколько снимков уникальной документальной ценности.

Снимок команды из окна самолета

Его фотографии запечатлели трех из нас на траверсе, в то время как Хекмайер уже был в трещине на окончании траверса.

Та трещина – единственно возможный вариант подъема с того места, где ломкий пояс примыкает к стене, которой заканчивается траверс к "Пауку". Хекмайер думал, что он сможет пройти его обычным лазанием; но каждый участок на Стене Айгера сложнее, чем кажется, с хитрыми выступами, на которых снег лишь налип на скалы, с ненадежными опорами для рук и ног, которые могут вас подвести.

Итак, ему пришлось оставить свой рюкзак, чтобы совершить вторую попытку прохождения этого участка налегке. Для этого он надел кошки, зная, что обледенелые участки постоянно встречаются на стене. Это был полностью новый тип скалолазания, этот подъем на серьезную, даже суперсерьезную скалу, местами нависающую – в кошках.

Хекмайер часто находился на грани срыва, но так или иначе тренированные пальцы держали его, когда он думал, что его силы уже на исходе. Царапанье его кошек о твердую скалу походило на разъяренный скрежет зубов, который прекратился только тогда, когда он исчез из вида наверху.

Мы трое проследовали за ним без кошек.

Начало прохождения «Паука»

Казалось, прошли годы прежде, чем мы все прошли 30-ти метровый вертикальный участок скалы. Но все же не так долго для того, чтобы уже наступили сумерки? Внезапно стало очень темно, хотя часы показывали, что, несмотря на сгустившуюся мглу, был еще ранний день. Тяжелые облака скопились на небе, и на сей раз громоподобный рев, раздавшийся в скалах и откликнувшийся сотнями отголосков, не был звуком самолета, пролетавшего в опасной близости от нас. Это был настоящий гром.

К тому времени, как я догнал Фрица, другая связка ушла вперед. Они отвязались от общей веревки, чтобы добраться до "Паука" прежде, чем начнется буря.

Гроза привнесла мрачную, угрожающую, но величественную обстановку. Несколько минут назад, солнце сияло, по крайней мере, для людей внизу, в Гриндельвальде. Эта внезапная перемена была типична для Северной Стены; и мы были уже настолько знакомы с ее капризами, что приближение бури не вызвало паники.

В действительно, я сожалел, что не было времени, чтобы задержаться на месте, где Фриц ждал меня. В том месте было что-то таинственное; это было первое место, возможно, даже единственное на целой 1800

метровой Стене, где вы могли почувствовать себя комфортно. Было бы шикарно сидеть и отдыхать там, глядя вниз с великой стены на долину с окружающими холмами.

Но погода охотилась на нас, и мы последовали за другими.

На траверсе к «Пауку»

Скальный траверс к "Пауку" явно не прогулка. Но, по крайней мере, скалы на этом участке горизонтальны и расположение зацепов, следовательно, благоприятное. Да и участки льда, прорезающие скалы, были достаточно надежны, чтобы мы могли глубоко забивать в них крючья.

Мало того, что траверс неописуемо прекрасен с эстетической точки зрения, он еще объективно потрясающе безопасен, на что мы почти не обратили внимания из-за приближающейся бури. Я не могу припомнить, кто первый дал ему название "Траверс Богов", но это вполне подходящее название.

«Паук». Фото Wendy Bumgardner

Мы достигли "Паука", большого ледового пятна на Стене, быстро и не сталкиваясь с какими – либо большим трудностями. У нас не было времени, чтобы исследовать местность и ландшафт более детально, возможность потратить на это время была упущена. Небо тем временем приняло иссиня-черный оттенок, а затем и вовсе исчезло за клочьями тумана, нахлынувшего на Стену, то опускающегося на нас, то поднимающегося снова, чтобы на секунду открыть вид, а затем превратившегося в толстое одеяло тучи.

Начиналась буря, пошел дождь со снегом; вспыхнула молния, и грянул гром. Мы все еще видели Хекмайера и Фёрга, уже по пути к ледовому склону "Паука", на расстоянии в полторы веревки от нас; мы последовали за ними.

«Траверс Богов» и «Паук». Фото capgwlan

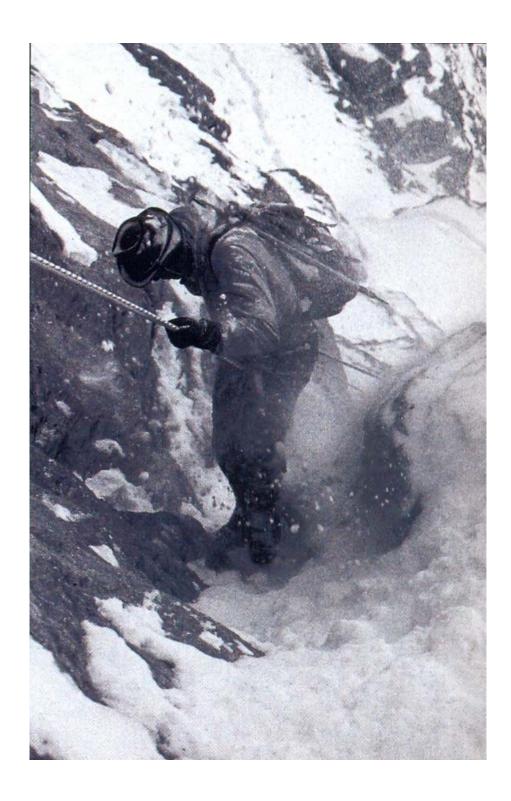
Как я уже объяснил, имя "Паук" было дано этому отвесному участку фирна и льда, разместившегося высоко на почти вертикальной Стене из-за белых полос, расходящихся из него во всех направлениях, как ноги паука или пальцы ладони. Особенно много полос идет вверх – в трещинах и кулуарах к снежной шапке вершины – и вниз к "Смертельному Биваку".

Но никто не предполагал, насколько верным было это название, данное еще до того, как мы добрались туда. Мы тоже не отдавали себе в этом отчета, пока не прошли первую веревку. Мы не предполагали, что этот "Паук" из снега, льда и скал мог стать смертельной западней.

Когда идет град или снег, лед и лавинки снега, скатываясь с острого фирнового гребня вершины, разгоняются по каналам трещин и кулуаров, с ускорением вылетают на "Паук", и там, слившись в яростном желании разрушения, проносятся поперек тела "Паука" и, наконец, устремляются вниз, сметая и забирая с собой все, что не является частью монолита скалы.

И при этом нет никакого выхода из "Паука" для тех, кого застала врасплох непогода и лавины.

Мы не знали этого тогда, но очень скоро мы это поняли. Очень скоро. Моментально...

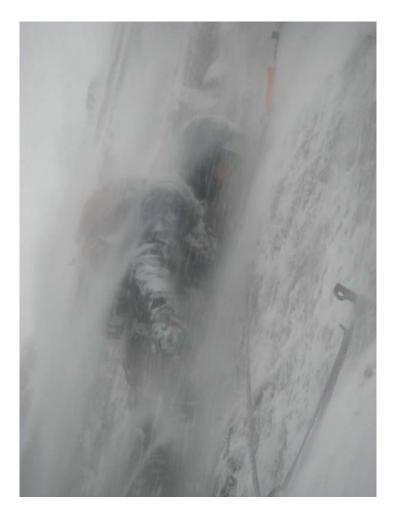
На «Пауке»

Я был уже на льду "Паука" и вырубил неплохую полочку, на которой я был в состоянии стоять весьма крепко без кошек. Я чувствовал себя в безопасности благодаря надежно забитому ледовому крюку. Веревка была пропущена через карабин, висевший на кольце крюка Фрица, который продвигался приблизительно в 20-ти метрах выше меня.

Его размытый силуэт проглядывался через туман и падающий снег. Вскоре он исчез из моего вида, поглощенный туманом. Завывание шторма и скрежет града были тревожными. Я пытался пробиться взглядом сквозь серые завесы, чтобы мельком увидеть Фрица, но напрасно. Только серость и мгла... Вой ветра усилился, поднимаясь до страшных нот – стук и скрежет, свист и шипение.

Это не было голосом шторма, разрастающегося из дикого танца льдинок и снежинок, это что-то другое. Это была лавина и, как ее предвестники, камни и куски льда! Я поднял рюкзак над головой, вцепившись в него крепко одной рукой, в то время как другой держал веревку, которая тянулась к моему напарнику. Я вжался в лед стены, как раз тогда, когда весь вес лавины обрушился на меня.

Скрежет и стук камней по моему рюкзаку были проглочены грохотом и ревом лавины. Она хватала и тянула меня с устрашающей силой. Смогу ли я пережить такой напор? Едва ли... Я задыхался, пытаясь, прежде всего, удержать свой рюкзак, который вырывался из моих рук и также помешать бесконечному потоку мчащегося снега, набиться между мной и ледовым склоном и выдавить меня с моей полочки. Я даже не знал, стоял ли я все еще, или катился вниз. Выдержал ли ледовый крюк? Нет, я все еще стоял, и крюк был все еще надежен, но давление становилось невыносимым.

Лавинка на стене. Фото 1nick carter

И Фриц мог сорваться в любой момент. Стоя там, на открытом месте, он не мог, вероятно, противостоять ярости лавины ... она должна была смести его со своего пути... Мои мысли были весьма ясны и логичны, хотя я был уверен, что эта лавина должна вышвырнуть нас всех с "Паука" вниз, к основанию могущественной стены.

Я боролся только потому, что любой человек продолжает бороться, пока в нем есть жизнь. Я все еще держал веревку одной рукой, настроенный сделать все, что было в моих силах, чтобы удержать Фрица. В то же время я начал задаваться вопросом, были ли мы уже настолько высоко на "Пауке", что он не докатится до скал, а останется висеть на ледовом склоне, если сорвется, пролетит мимо меня и повиснет на всей длине веревки двадцатью метрами ниже?

И смогу ли я выдержать удар, если Фриц врежется в меня? Все эти мысли были спокойны, без доли паники или отчаяния. На это у меня просто не было времени. Когда Фриц сорвется? Казалось, я стоял в этом сокрушающем, летящем Аду долгие годы. Может, камни перебили веревку, и Фриц, улетел, лишившись страховки? Нет, если бы это случилось, конец веревки упал бы ко мне. А она была все еще натянута вверх, значит, Фриц еще каким-то образом держался...

Давление уменьшилось, но у меня не было времени сделать вдох или крикнуть прежде, чем последовала следующая лавина. Ее ярость превысила неистовство первой, она должна была покончить с нами. Даже эта констатация факта была почти объективна. Было странно, что никакие важные мысли не тревожили меня, типа того, что я бы мог добиться большего в своей жизни. Не было и сцен из жизни, пробегающих перед глазами.

Мои мысли были почти банальны, смешны и незначительны. Я чувствовал небольшую обиду на то, что критики и умники, а также Гриндельвальдский могильщик, который причислил нас, как и всех тех, кто пытается покорить Северную Стену, к своим клиентам, были правы. Тогда я вспомнил несчастный случай на Западной Стене Штурцхан в горах Тотен, годы назад.

Я пробовал пройти ту трудную стену зимой и упал на 45 метров. И в том случае, моя жизнь не пробежала у меня перед глазами, и у меня также не возникло чувство отчаяния из-за того, что я очень любил жизнь. Неужели все меняется, когда переступаешь эту черту? И теперь, я был все еще жив; мой рюкзак по-прежнему защищал мою голову; веревка все еще была продернута через карабин; и Фриц еще пока не упал.

Тогда новое, невероятное, и в этот раз потрясающее осознание пришло ко мне. Напор лавины прекратился. Снег и лед звенели далеко внизу. Даже яростный рев шторма казался теперь, когда лавина утихла, нежным шепотом.

И тут, вибрируя, через серый туман, раздались первые крики, подхваченные утесами, окружающими "Паук" и донесенные людям, едва способным осознать невероятную правду. Выкрикивались имена, и голоса отвечали: "Фриц! Хайни! Андерль! Вигерль!" Я осознал, что мы все живы. Они были все живы, и я тоже. Самое большое чудо Айгера произошло. "Белый Паук" не взял жертв.

Но было ли это действительно чудо? Гора была добра? Верно ли было сказать, что "Паук" пожалел жизни своих жертв?

Айгер. Фото Lawrie Brand

Альпинисты не сверхчеловеки, они – вполне прозаичные люди. Такие размышления могут быть объяснены только первым всплеском радости возвращения к жизни; они не имеют шанса на то, чтобы отрезвить наше мировоззрение. Чудо и милосердие не в моде у природы, тем более в горах, сегодня были результатом желания человека поступить правильно даже в моменты самой страшной опасности.

Разве можно сказать, что нам просто повезло? Известный человек однажды сказал: "В конечном счете, везет тому, кто борется до конца". Я не столь самонадеян, чтобы утверждать, что мы, альпинисты, всегда используем полностью все возможности. Но мне кажется, что одно из высказываний Альфреда Вегенера соответствует нашей ситуации на "Пауке" Айгера как нельзя лучше.

Он говорил: "Удача – последняя пуля в барабане". Наш револьвер был пуст.... Каспарек стоял на 20 метров выше меня на ледовом склоне. Когда он услышал приближение лавины, он моментально попытался забить ледовый крюк. У него не было времени, чтобы испугаться даже на долю секунды. Крюк был забит только на несколько сантиметров в лед, и весьма непрочно, когда пошла первая лавина. Несмотря на опасность, даже в то время, когда лавина с ревом неслась вниз, на него, он думал о недобитом крюке. Он должен был быть забит надежно, он не должен был вырваться под ударом несущихся каскадом масс снега и льда, и падающих камней; поэтому Каспарек держал его, прикрывая рукой.

Камни били его по руке, срывая кожу. Он испытывал ужасную боль, но его желание удержать крюк было больше. И в течение короткого перерыва между первой и второй лавиной, он всадил крюк в лед до кольца, и быстро вщелкнул в него самостраховку. И именно поэтому Фриц не сорвался... И только потом, когда напряженность момента прошла, я вспомнил, что я тоже пристегнулся самостраховкой к своему крюку для большей надежности в течение этого же перерыва.

Лавина застала Хекмайера и Фёрга врасплох, на скальном выступе, приблизительно на 20 метров ниже утеса, возвышающего над "Пауком". Благодаря форме выступа, лавина разделилась недалеко от них на два отдельных потока, но снег, и ледовая крошка, летящие вниз по каждому из них, были достаточно сильны, чтобы смести альпинистов со своего пути. Ни один из них не мог организовать себе самостраховку, забив крюк, не только потому, что не было времени, но и потому, что у них не было ни одного крюка.

Вся коллекция была тогда на мне: благодаря тому, что я был последним в связке, я нес приблизительно 9 килограмм железа, которое я выбил из скал и льда. У Хекмайера был только ледоруб, чтобы удержаться. Река льда захлестнула его по бедра и угрожала унести, как опавший лист; но он сумел выдержать яростное давление. В то же самое время он проявил себя как надежный напарник по связке и как выдающийся руководитель восхождения. Несмотря на его собственное печальное положение, Хекмайер нашел время, чтобы подумать о своей второй половинке, стоящей ниже его на открытой вершине склона.

Вцепившись в ледоруб одной рукой, как за якорь, второй он схватил Фёрга за воротник и крепко держал его. И таким образом они оба пережили налет лавин. Только теперь, когда опасность была позади, Фриц почувствовал острую боль в своей руке с содранной кожей. Только тогда он крикнул Хекмайеру и Фёргу. "Сбросьте мне веревку, я ранен".

Ушло много времени на то, чтобы связать веревки и бросить их вниз, к месту, где стоял Фриц. И даже тогда не хватило 10 метров, поэтому Каспареку пришлось пролезть это расстояние без страховки. Как же прав Вегенер! Удача — действительно результат последних запасов, последний патрон в обойме. Вот как Хекмайер описывал конец лавины и свою радость при обнаружении, что мы были все еще живы:

Постепенно становилось светлее, и напор ослаб. Мы уже поняли, но еще не могли поверить, что все закончилось благополучно. А как же другие? Туман рассеивался – и там – "Вигерль", крикнул я. "Они все еще держатся!" Это казалось нереальным, настоящим чудом. Мы стали кричать, и они нам ответили. Неописуемая радость охватила нас. Только тогда ощущаешь, насколько сильным может быть дух товарищества, когда снова видишь друзей, которых считал уже погибшими...

Мы все собрались вместе на верхней части "Паука". Наше чувство восторга при взгляде на лица товарищей было неописуемым. В качестве подтверждения нашей дружбы, мы решили снова связаться вчетвером одной веревкой и следовать так до самой вершины.

И нашим лидером должен быть Андерль. Лавины "Паука" не были в состоянии сорвать нас со Стены, но им удалось смести с нас последние, мелкие остатки наших скупых и эгоистичных амбиций. Единственным противовесом этой величественной стене была испытанная сила дружбы, стремления и понимание, что каждый из нас выкладывается по полной. Каждый из нас был ответственен за жизни других, и мы больше не хотели идти раздельно. Мы преисполнились искренней радостью. От нее возросла уверенность в том, что мы поднимемся по Стене на вершину и найдем дорогу назад в долину, где живут люди. В таком приподнятом настроении группа продолжила восхождение.

Наше восхождение ярко освещалось и привлекало интерес общественности, хотя мы тогда этого не знали, и не подогревали интерес к своему восхождению; но любопытно отметить, как события на Северной Стене преломлялись в глазах наблюдателей снизу.

На нас глядят в бинокли, трубы сотни глаз...

Вот как Ульрих Линк, известный Мюнхенский журналист, сообщал о своих наблюдениях в Кляйне Шайдигг:

В субботу приблизительно в 12.30 пополудни, была замечена смена погоды на Айгере. Серое, как сланец, угрожающе темное облако покрыло Долину Лаутербруннен. В это время эти четыре альпиниста, после пяти часов невероятных усилий, пересекли "Диагональный кулуар", возможно, самый тяжелый участок на всей Стене...

В час все четверо шли гуськом по левому краю снежного поля. Хекмайер, по роду деятельности гид и, вероятно, самый знающий и самый опытный на льду, шел впереди. В течение получаса туча скрывала альпинистов от наших глаз. Примерно в 13.30 Стена вновь озарилась светом. К тому времени они прошли «Траверс богов», и первый уже достиг выхода на снежник, названный "Пауком". Хекмайер лидировал превосходно — он был первым весь день — по направлению к "Пауку". Каспарек и Харрер тем временем отдыхали у выхода на снег. С 15 до 15.30 Стена еще раз закуталась в облако. Затем небо прояснилось снова, все помчались к телескопам.

У телескопа

Лидер второй связки шел траверсом от скал по "Пауку". В это время Хекмайер достиг выхода скал в верхней части снежника. Вторая связка двигалась медленнее, но так же уверенно и осторожно, как и первая. Хекмайер и Фьёрг теперь достигли высоты 3600 метров, было 15.50. Тучи снова закрыли стену, и мы были отрезаны от них вместе со своими опасениями и надеждами. Вершина была все еще более чем на триста метров выше этих четырех мужчин.

Погода снова испортилась. Час за часом, длилось томительное ожидание, и невозможно было предвидеть, закончится ли все это хорошо или плохо. Долина Лаутербруннен лежала под грязным серым покрывалом; Юнгфрау и Мюнх были укутаны в облака. Ледники отблескивали светло-голубым и синевато-зеленым цветами. Иногда открывался клочок синего неба между дождевыми тучами. Гроссе Шайдегг, где-то там, на горизонте, был еще отчетливо виден, но погода неумолимо ухудшалась.

Тем временем, вторая команда должна была быть в Трубе на "Пауке". В 16.25 начался небольшой дождик, а ровно через пять минут сильный, шумный ливень, как будто тучи прорвало. Ливень, должно быть, ударил по Стене и этим четырем альпинистам, как цунами. В смущенном гуле голосов прорывались нотки приглушенной тревоги. Вся Северная Стена превратилась в один миг в бушующий водопад. Вода низвергалась вниз по утесам десятью – пятнадцатью широкими потоками белой пены.

Болельщики

Изумительная радуга засверкала и широко выгнулась над Альпийской долиной у реки; но никому не досуг было следить за этой удивительной игрой света. Там наверху, двое мужчин, должно быть, стоят на снежном склоне, сопротивляясь неистовой силе наводнения, льющегося вниз на них.

Смогут ли они удержаться? Наконец, облако поднялось. Все припали к телескопам. Вот он, огромный снежный склон... а вот и альпинисты, оба поднимаются медленно и уверенно. Они пережили напор стихии. Фёрг и Хекмайер, вероятно, были на более защищенном участке, поскольку они сумели добежать до скалы на краю снежника.

Но вот тучи опустились снова ... В 18.45 все четверо мужчин воссоединились и двигались к верхнему краю снежного поля. В 19 часов они достигли его; в 20 они все еще продвигались дальше, либо потому, что они все еще не нашли место для бивака, либо решили идти вперед, пока это позволял дневной свет, что бы подойти как можно ближе к вершине. Теперь они достигли 3700 метров, поднявшись высоко над "Пауком", замечательная работа, проделанная за четырнадцать часов.

В 20.20 снова пошел дождь. В течение коротких интервалов, когда позволяли просветы в облачности, мы наблюдали, как восходители поднимались выше и выше. В 21 час они все еще двигались, вероятно, готовя свой ночлег; третий бивак для Каспарека и Харрера, и второй для Фёрга и Хекмайера. Конечно, это будет жестоким испытанием, в мокрой одежде, на абсолютно неподходящем для отдыха месте. Но все четверо закалены как сталь...

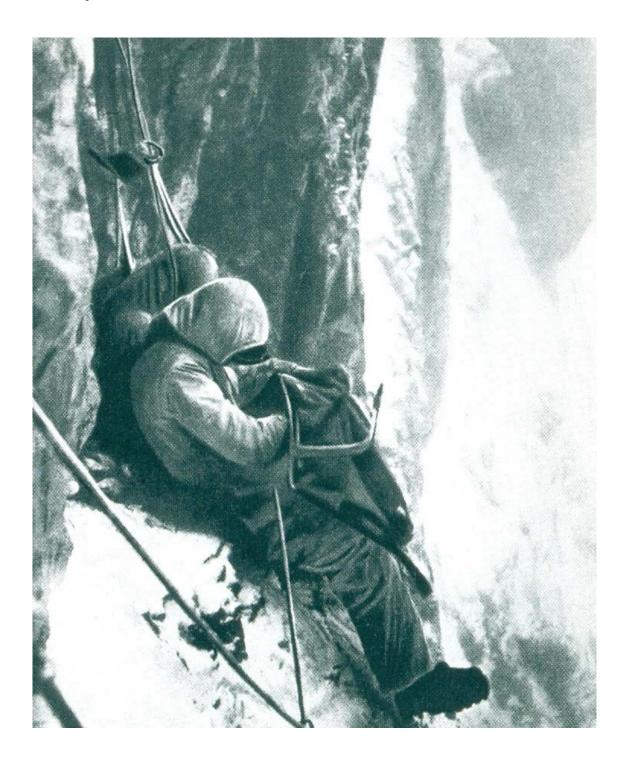
Десять часов. Стена погружается во мрак. С этого момента эти четверо мужчин должны выдержать долгие ночные часы; у них достаточно провизии на шесть дней. Возможно, им удастся ненадолго уснуть и, вероятно, они присядут на корточки вокруг своей кухни, сделают горячий чай и разогреют пищу. Теперь не может быть и речи об отступлении...

То сообщение от знающего и опытного журналиста является достоверным изложением фактов даже для альпиниста; и хоть оно написано в манере, которая захватила бы и непрофессионала, но без неуместного

драматизма, и без дешевых сенсаций, высосанных из пальца. Правдивое изложение фактов, удачные наблюдения природы, скупое описание Стены являются сами по себе сенсационными.

Но Ульрих Линк был не прав в одном. Мы не могли присесть у нашей кухни. Для этого не было места, хотя приготовление пищи имело немаловажное значение. Что же касается размещения нашего бивака, за исключением участка выше трещины, ведущей к "Траверсу Богов", нет ни единого места, где можно сидеть или где можно расположиться биваком без тщательной подготовки.

После того, как мы прошли лед, мы натолкнулись на выступ скалы, защищенный нависанием от падающих камней и лавин. Когда я говорю выступ, я не подразумеваю ровную удобную полку, на которой можно сидеть; он был слишком узким и острым для этого. Хекмайер нашел место, куда он смог надежно вбить крюк, потом терпеливо отыскал еще несколько трещин, куда удалось загнать крючья, чтобы повесить все вещи, а также закрепить себя и Фёрга.

Для нас там не было места. Фриц и я устроили наше ночное местожительство приблизительно на расстоянии трех метров. Выступ был едва ли шириной в ботинок, и разве что позволил нам стоять вертикально, крепко прижавшись к скале, но мы умудрились вбить крюк, на котором смогли организовать страховку.

И даже после этого мы все еще не могли сидеть, настолько узкой была полочка. Но все-таки мы нашли решение. Достав содержимое из наших рюкзаков и повесив все на крюк, мы смогли поместить наши ноги в рюкзаки и так держаться. Мы были уверены, что так мы продержимся всю ночь, и так и вышло. Между нами и нашими друзьями мы натянули перильную веревку, по которой вперед и назад курсировала кастрюля с едой.

Фёрг принял на себя важную роль – повара экспедиции. Таким образом, даже если мы и не смогли присесть, как Линк себе это представлял, кипение кастрюли Фёрга привело нас в благодушное расположение духа. Ни один из нас не хотел никакой твердой еды, все, что было нам необходимо, это питье. Поэтому Людвиг варил кофе, в течение многих часов подряд. Как только очередная порция была готова, он делал глоток, а затем передавала по очереди нам.

Фриц, как истинный венец, был знаток кофе, и даже он удостоил похвалы варево Людвига. Но к хорошему кофе нужна сигарета, если вы курите, а Фриц был единственным настоящим курильщиком среди нас четырех. К сожалению, его сигареты не выдержали потоков дождя, града, снега, они были мокрые и смятые.

Фриц, не проронивший ни слова о своем самочувствии, не жаловавшийся из-за сильной боли в поврежденной руке, расслабился при мысли о сигаретах: "Эх, если бы только я мог зажечь сухую сигарету сухими спичками ..."

Я отдал бы все, чтобы исполнить желание Фрица, но у меня не было сигарет. Тогда я вспомнил, как я встретил Фрица Каспарека впервые. Это было в начале тридцатых, когда я был молодым студентом с огромным желанием совершать восхождения, но не имевшим денег. То были дни, когда каждый, так или иначе, изобретал возможность нахождения в Доломитах в течение нескольких недель всего с тридцатью шиллингами в кармане.

Велосипед был единственными средством передвижения и, поскольку у каждого должны были быть права, чтобы ездить на нем в Италии и, поскольку права стоили денег, мы часами шли пешком, чтобы добраться от одного горного массива до другого. Однажды я оставил свой велосипед на границе и пошел пешком по Италии.

Есть песня старых бродяг Эрманна Лонса, в которой поется: "Я никогда, никогда не сдамся". Я хотел есть, и еще больше пить, но я помнил о моем худом кошельке, проходя мимо гостиниц и магазинов, с самыми великолепными фруктами и деликатесами в витринах.

Какой-то путник подошел ко мне. У него был тоже огромный рюкзак, рюкзак типичного альпиниста; у него также была копна светлых волос, пара удивительных глаз и загорелое лицо. Мы оценили один другого, взаимно признали родственную душу друг в друге, кивнули.

Тогда светловолосый, направляющийся к австрийской границе, поздоровался: «Привет, ты кто? Откуда? Куда?»

«Я – Хайни Харрер из Граца,» – сказал я ему, «направляюсь в Доломиты»

«А я Фриц Каспарек из Вены». Фриц Каспарек... Я уже знал это имя. Он был одним из самых смелых и опытных альпинистов Вены.

Эта венская молодёжь прошла столб на Мармолате, Северную Стену Западного Цинне, Северную стену Адмонтер Райхенштайн,

Массив Адмонтер Райхенштайн

Неисчислимое количество других очень сложных и новых маршрутов. Он был только годом или двумя старше меня, но я обращался к нему "Сэр" из уважения к его известной репутации.

"Ерунда", говорил он, мотая головой. "Я – Фриц, а ты – Хайни, и все". И затем без обиняков: "Хочешь есть? Пить? Нет денег, а?" Я кивнул. Каспарек снял со своих плеч рюкзак, заманчиво махнул в сторону травы на краю дороги, сел и достал огромный кулек великолепных груш и персиков.

"Поешь!" – предложил он. Я не ждал второго приглашения. Мы съели все фрукты, ножки, листики и семена, и я должен честно признать, что Фриц съел в два раза меньше чем я. Он засмеялся, встал, пожал мою руку. "Надеюсь", – сказал он, "мы с тобой еще встретимся". Он направился в сторону австрийской границы, а я стоял, еще долго глядя ему вслед.

Я не подозревал тогда – и это не был бы Фриц Каспарек, если бы он обмолвился хоть словом о том, что купил те фрукты в качестве провизии для поездки в Вену за свои последние пенни. В результате он должен был крутить педали своего велосипеда 480 километров до Вены без гроша в кармане и без всякой еды.

Возможно, он воспользовался своим бесстыдным венским очарованием, чтобы заполучить приглашение от одного или двух фермеров на стакан молока, я не знаю. Но читатель поймет, насколько я сожалел тогда, будучи на Северной Стене, что я не мог вручить Фрицу пачку сухих сигарет и сказать: "Кури!" – так же, как он когда-то протянул мне кулек фруктов на раскаленном шоссе и сказал: "Ешь!"

С такими закатами на Айгере команде не повезло

Было 23:00. Людвиг перестал заниматься стряпней, и "удалился, чтобы отдохнуть". Даже здесь, на этой высоте в 3750 метров, и в 1500-х метрах от ближайшей горизонтальной поверхности, он не мог отказаться от комфортных тапочек. Андреас подвис на вбитых крючьях, чтобы устойчиво держаться на стене, а его голова опиралась на широкую спину Фёрга.

Следующим утром мы обнаружили, что Фёрг сидел неподвижно, не шевелясь, так, чтобы сон Хекмайера был безмятежен. Фриц и я натянули на себя спальные мешки и палатки; засунули ноги в рюкзаки, поддерживающие нас, и очень скоро я услышал глубокое, ровное дыхание моего друга, спящего рядом со мной.

Через небольшое окно в палатке я видел, что на небе нет звезд, и погода все еще плохая, шел снег. Сорвался случайный маленький снежный обвал, но снег проскользнул по ткани палатки, с нежным шуршащим звуком, как будто бы кто-то погладил ее рукой... Я не беспокоился о погоде. Я был охвачен чувством полного умиротворения, не смирения с нашей долей, а уверенности в том, что, независимо от того, какая будет погода, мы достигнем вершины завтра и после этого окунемся в безопасность долины.

Это чувство умиротворения разрослось до осознания счастья. Люди часто испытывают счастье, не осознавая этого; только позже мы понимаем, что в тот или иной момент мы были счастливы. Но здесь, на нашем биваке, я не просто был искренне счастлив; я еще и понимал это. Этот, третий бивак для Фрица и меня на Северной Стене, был наименее удобен с точки зрения размещения; несмотря на это, он был лучшим.

И если вы спросите, почему – причиной был отдых, спокойствие, радость, большое удовлетворение, которым все мы наслаждались там. Если бы, в течение тех долгих часов, когда мы были оторваны от внешнего мира, один из нас сдался или потерял терпение по отношению к другому; если бы, движимый инстинктом самосохранения, один из нас подумал о попытке спасти свою собственную жизнь, бросив остальных – никто бы его не обвинил.

Его напарники не отвернуться от него, хотя, возможно, будут в дальнейшем относиться к нему прохладнее. Если, внизу, в долине, люди встретят его радостно и со всеми почестями, его друзья никогда не скажут дурного слова. Но то, особенное счастье, которое рождается в единении общего порыва, обойдет его стороной и не принесет радости.

Все мы четверо на том биваке на Стене Айгера были счастливы. Пусть шел снег, и снежинки водопадом стекали по нашим палаткам, но наше счастье было неотрывно связано со всем этим. Оно позволяло думать о хорошем, и помогало уснуть...

Испытание самого себя — выражение, без сомнения, преувеличенно описывающее здоровый, честный опыт, и противоречит холодному расчету, который каждый альпинист отдает себе. Но основная ошибка состоит в предположении о том, что это чрезвычайное испытание себя и есть главная движущая сила альпинизма.

Это – предположение, придуманное последними невеждами, потому что они не смогли придумать никакого лучшего объяснения тому, чего сами не могут понять и чего лично никогда не испытали. Я действительно не могу сдержать улыбку, когда представляю себе лицо Фрица Каспарека, если один из этих всезнаек спросит его, совершил ли тот восхождение, чтобы самоутвердиться.

Интервьюер без сомнения удалился бы, испытывая дискомфорт, раздавленный едким ответом, изложенным в тех известных венских словах, которые так сложно перевести на литературный немецкий. Конечно, ни один альпинист не совершает трудного восхождения, чтобы испытать себя.

Если во время чрезвычайной опасности на горе он думает сначала о своих напарниках по связке, если он подчиняет личное благополучие общему благу, то он автоматически проходит тест; и, таким образом, пройдет его в любом из случающихся бедствий, наводнении или пожаре. Такой человек, несомненно, не прошел бы, посвистывая, мимо раненых людей на дороге; он оказал бы помощь. Для него очень важно осознание того, что он сделал, все что мог.

Страстное желание доказать свою исключительность никогда не может быть главной движущей силой, которая заставляет его покорять сложнейшие вершины. Меня очень раздражают те писаки, которые характеризуют альпинистов, выходящих на предельно сложные маршруты, как психически ненормальных.

Я не могу представить себе более нормальных мужчин, чем мои три компаньона на Айгере. Да, положение, в котором мы оказались, было весьма не тривиальным; но реакция моих друзей в этот необычный момент была совершенно нормальна.

Фриц хотел сухих сигарет; Людвиг переобувался в удобные, мягкие тапочки для бивака; и Андреас, забивший в стену свои крючья, защищенный широкой спиной Людвига, спал спокойным сном.

Мир и гармония той ночи под открытым небом позволили мне умчаться прочь в сумеречный мир между пробуждением и сном. Мое тело, почти лишенное духа, было в покое. Холод не докучал; он служил лишь напоминанием о том, что я висел на огромной стене горы, и находился в несколько стесненном положение, в заложниках у рюкзака, на нашем биваке.

Но это тоже меня не трогало. Здесь, как и в других местах в жизни, счастье рождалось из контраста. После пережитой схватки с лавинами несколькими часами раньше на "Пауке", ночевка на биваке казалась нам раем. Я проснулся от значительного снежного обвала над нашей палаткой.

Рассвет мерцал через небольшое окно; новое утро приближалось.

К сожалению, оно не было озарено великолепной игрой света восходящего солнца, ни ясным светло-голубым небом, в котором звезды затуманивались светом нового дня; его приближение было мглой, выходящей из серого тумана. Стянув наши спальники, мы попали в зиму.

Снегопад продолжался, и все острое или угловатое было оштукатурено свежим снегом. Выступ, на котором мы коротали ночь, тоже растворился в снегу. Наши друзья, несколькими метрами ниже, напоминали мраморные скульптуры, застывшие на постаментах. Мысль о том, что в этой абсолютно дикой природе, люди выжили, и даже планировали выбраться отсюда, в тот же день, из этой западни на вертикальной скале, отполированной льдом и покрытой снегом, казалась смехотворной.

Но мы были действительно живы; и мы не только планировали подняться отсюда вверх, мы были уверены, что сумеем сделать это. Мы слышали рев бури, завывающей на гребне над нами. Там, где стояли мы, ветра не было. Только лавины, сходящие вниз и проносящиеся вдаль мимо нас, рождали ветер.

Мы изучили их расписание и распланировали наши действия, сообразуясь с полученными знаниями. Было страшно даже подумать о том, в каком плачевном состоянии мы бы могли оказаться, будь мы там, на Стене, если бы нам все еще предстояло пройти ледовый склон "Паука". Те небольшие обвалы, которые летели на нас с гребня, были только началом больших лавин, которые, подпитавшись от многочисленных кулуаров выше, неслись сейчас по склонам "Паука".

Нам повезло добраться до той высоты, на которой мы сейчас находились. Но скоро мы поняли, что наша висячая ночевка будет казаться легким испытанием по сравнению с тем, с чем мы еще должны будем справиться сегодня. Мы были в хорошей форме. Боль в руке Каспарека, казалось, утихла.

Благодаря широкой спине Фёрга, Хекмайер шикарно выспался. Фёрг уже занял свой пост повара. Он сварил целую кастрюлю кофе, растопил шоколад в сгущенном молоке, и в целом приготовил прекрасный и сытный завтрак. Во время поглощения этого великолепия, мы провели военный совет. Погода изменилась, как мы и ожидали – в худшую сторону. Она была такой же плохой, как и всегда, когда люди оставались на Стене в течение нескольких дней подряд. У нас было достаточно пищи и топлива, чтобы отсидеться на биваке несколько дней.

Но чем это нам поможет? Даже если погода наладится завтра или через день или через три дня, состояние Стены сразу не улучшиться, скалы придут в норму только через несколько дней после непогоды. Неужели мы позволим изнурить себя, сидя и выжидая? "Лучше сорваться, чем замерзнуть". Это поговорка Мишеля Иннеркофлера, самого старого из известной династии гидов в Доломитах. Мы не думали о падении, и еще меньше об отступлении из-за того, что Стена облачилась в зимний наряд. Мы решили идти дальше. Как только решение было принято, я уменьшил вес наших рюкзаков, сбросив вниз в пропасть ту часть снаряжения и провизии, которая казалась лишней. Среди всего прочего была целая буханка хлеба, которая исчезла с большой скоростью в тумане под нами.

Я вырос в суровых условиях и прежде никогда не выбрасывал ни кусочка хлеба; но теперь это действо казалось мне почти символическим – мы отрезали путь к отступлению. "Вперед" – был теперь единственный путь; возврата назад нет. Прошлое было забыто и только будущее имело значение; а будущее пролегало по засыпанной снегом, покрытой льдом стене к вершине.

Мне кажется, ни один человек не может собрать в кулак всю свою волю, все свое стремление, всю свою энергию для решающего отчаянного броска, пока он не убежден, что последний мост за ним сожжен и отступать некуда, возможно движение только вперед. Мы шли дальше. Андерль поведет нас на вершину Стены; это станет звездным днем Хекмайера. Сегодня, когда я сижу, и пишу эти строки, я твердо убежден, что мы все выбрались бы со Стены благополучно, даже не будь впереди Хекмайера; Фриц смог бы пройти Стену даже в одиночку, несмотря на его раненную руку. Но, без лидерства Андерля, мы никогда не сделали бы это так замечательно, и нам пришлось бы, вероятно, еще раз заночевать на Стене. Я думаю, это бы нас не погубило, мы все были достаточно подготовлены, сильны и бодры духом, чтобы пережить и не такое. Но станем ли мы хоть на йоту хуже, или корона упадет с нашей

головы, если мы, с должным восхищением признаем, что один из нас был лучшим?

Мы снова связались вчетвером одной веревкой. Порядок был теперь такой: Хекмайер, Фёрг, я и Каспарек, который шел сегодня последним, чтобы не выбирать веревку своей поврежденной рукой. Хекмайер столкнулся с проблемами уже в самом начале.

Первое решение, которое нужно было принять, какой из двух маршрутов выбрать? Камин с нависающим льдом, который казался чертовски сложным, но защищенным от снежных обвалов; или вверх по крутому, ледовому кулуару левее камина, по которому, время от времени, спускались небольшие лавины? Он выбрал камин, и Фёрг страховал его через немедленно забитый крюк.

Но камин оказался настолько трудным, что даже навыки Хекмайера оказались бесполезны. Итак, ему пришлось возвратиться назад и попробовать подъем по кулуару, сначала изучив расписание лавин.

Подъем по кулуару

Снег продолжал идти, и теперь, когда наступил день, это был влажный тяжелый снег, тот самый, который легко скользит и прибавляет скорости лавинам. Но и без лавин кулуар был настолько труден, что даже Хекмайер в нем дважды сорвался, и только с третьей попытки, собрав все силы для атаки, он смог подняться на гребень скалы слева от кулуара.

Там он сбил снег и лед ударами ледоруба и вырубил удобную ступень для ног.

"Лезьте", сказал он. Фёрг полез вверх, а мы последовали за ним. Потом Хекмайер продолжил подниматься по маршруту, который требовал от нас полной отдачи сил. Он не мог позволить себе понапрасну тратить время, поскольку должен был успеть дойти до следующего безопасного места в перерыве между лавинами, прежде, чем случится новый снежный обвал. Правда, тут не было каких-то безопасных мест; ступень во льду, крюк для страховки, было лучшим, на что мы могли здесь надеяться.

Но чем выше мы поднимались, тем тоньше становился слой льда в кулуаре; настолько тонким, что уже нельзя было вырубить ступени, и лед перестал держать крюк. Стальные лезвия проходили сквозь лед, ударялись о скалу под ним и просто отскакивали.

Непогода...

Мы все шли на одной веревке. Если бы первый сорвался, и второй не смог бы удержать его, я был бы тем, кто должен попытаться предотвратить падение. И если бы они сдернули за собой и меня, то весь вес пришелся бы на Фрица.

Мы знали, что ни один человек не мог бы удержать троих на этом участке. Никто не знал этого лучше, чем Хекмайер, который быстро продвигался вперед, и, при этом, должен был двигаться, как можно более надежно. Он, как бы, пытался принести нам освобождение.

И один раз мы были в шаге от смерти. Я стоял на маленькой возвышенности, а Фриц подо мной. В 30-ти метрах выше меня стоял Фёрг, страхуя Хекмайера, который боролся с обледенелой скалой, предательскими ледовыми кулуарами, снежными обвалами высоко в тумане над нами и падающим снегом.

Мы не могли видеть ни одного, ни второго. Фриц присоединился ко мне на моей возвышенности. Команда Фёрга о том, чтобы подниматься, еще не поступила. Мы слышали голоса и короткие, приглушенные крики. Что же там не заладилось? А потом мы слышали лишь невнятное бормотание.

В этот момент пласт снега сошел на нас. Это не было чем-то особенным, и мы уже вполне к такому привыкли; но снег не был чисто белым. Снег был заляпан кровью. Определенно кровью, потому что следующей вещью, которая докатилась на нас, была упаковка из-под бинта и маленький пустой аптечный пузырек.

"Эй!" – орали мы. "Что случилось?" Никакого ответа. Мы ждали, казалось вечность, мучимые сомнениями и беспокойством. Потом, согласно графику, следующая лавина понеслась с дикой силой. Только когда она прошла, мы услышали команду, приглашающую нас идти дальше.

Фёрг выбирал веревку так напряженно, что я задыхался. Но я понимал, насколько тяжело ему было работать с обледеневшей веревкой. Не оставалось времени, чтобы лезть аккуратно, согласно правилам. Время — стало нашим девизом, если мы планировали выбраться со Стены.

И очевидно там наверху случилось что-то, что вызывало большую задержку. Что же это могло быть? Когда я достиг точки, на которой стоял Фёрг, камень упал с моей души.

Л.Фёрг на стене

Они оба были живы и пострадали не серьезно. Рука Фёрга была перевязана бинтом с пятнами крови, но Хекмайер был уже веревкой выше, на крошечной, вырубленной, хрупкой площадке.

Позже, он рассказал в своей сухой, но живописной манере, как Фёрг получил свою травму: –

Мокрый снег тяжело падал. Уже в течение долгого времени не было лавины. Поэтому быстрее, под навес! Проклятье..., лед на скале истончился, и крюки больше не держаться. При втором ударе они насквозь проходят через лед и сгибаются о скалу.

Стоять на маленьком выступе я смог, только поставив вместе ноги в кошках, потому что полоса старого льда в кулуаре была очень узкая, а натечный лед, покрывавший скалу, был слишком тверд, гладок и тонок. Острие ледового крюка, за который я держался изо всех сил, вошло на небольшую глубину, как и клюв моего ледоруба. Внезапно крюк вылетел, и одновременно выскочил мой ледоруб.

Если бы ноги были широко расставлены, я, возможно, сохранил бы равновесие. Но со сведенными ногами, надежды не было.. Я крикнул, "Держи, Вигерль!" И сорвался. Вигерль вроде стоял надежно. Он отпрянул как можно дальше, но я

летел прямо на него – не по воздуху, поскольку кулуар не был отвесным, но с быстротой молнии скользил по льду.

Как только я упал, я начал зарубаться, чтобы не полететь кубарем. Вигерль отпустил веревку, и поймал меня своими руками, и один из зубьев моих кошек пробил его ладонь. Я, было, начал кувыркаться, но в доли секунды успел схватился за веревку от страховочного крюка, и это позволило мне вскочить на ноги.

Я вонзил все двенадцать зубьев моих кошек в лед – и устоял. Сила, с которой я врезался в Вигерля, сбила его с ног, но ему тоже удалось задержаться, и вот мы стояли приблизительно на метр ниже станции на крутом льду без каких-либо ступеней для ног. Один большой шаг и мы вернулись к месту страховки.

Крюки вылетели, и я немедленно перебил их снова. Все это заняло всего несколько секунд. Нас спас рефлекс; наши друзья, стоящие веревкой ниже и связанные с нами, даже не заметили, что что-то произошло. Если бы мы не остановили наше падение, то сдернули бы их со Стены вслед за собой.

Тем временем Вигерль снял свою рукавицу. Хотя кровь била струей, она была темного цвета, а значит, это не могла быть разорванная артерия. Я быстро взглянул вверх на стену; слава богу, не было пока еще очередной лавины, летящей вниз. Сняв рюкзак, достав бинт, я перевязал руку Вигерля. Он был очень бледен; фактически, если он и был какого-либо цвета вообще, то это был зеленый.

"Ты плохо себя чувствуешь?" спросил я.

"Сам не знаю" отвечал он. Я встал так, чтобы он не смог упасть, и убеждал его немедленно собраться с силами. И вот когда пригодилась небольшая баночка сердечных капель из аптечки.

Преданная своей профессии Доктор Беларт из Гриндельвальда заставила меня взять их с собой на случай крайней необходимости, добавляя: "Если бы у Тони Курца эти капли были с собой, то он, возможно, пережил бы то суровое испытание". И мы должны были воспользоваться ими только в случае крайней необходимости. На бутылке было написано... "десять капель". Я просто влил половину содержимого в рот Вигерля, и сам выпил все, что осталось, поскольку хотел пить.

Мы закусили несколькими таблетками глюкозы, и вскоре пришли в норму. Было время лавины, но я не видел никаких признаков ее приближения. "Слушай, я попытаюсь пройти еще раз," сказал я ему. "Хорошо", ответил он, "но, пожалуйста" – и его голос был все еще слабым – "больше не используй меня в качестве матраца".

Я двинулся вверх, и справился со сложной стенкой, на сей раз абсолютно благополучно, пройдя участок без промежуточных крючьев, чтобы проскочить как можно быстрее этот, действительно сложный и опасный, отрезок маршрута. Я поднялся где-то на 30 метров – почти полная длина веревки, не находя места для остановки; но, по крайней мере, мне удалось забить один маленький крюк в конце.

И только когда Хекмайер дошел туда, в тот момент, когда он закрепился на изящном маленьком крюке, вниз сошла лавина, которая потрясла нас своим видом внизу, как я уже описал.

Ей не удалось унести с собой Хекмайера и Фёрга, и никого из нас, но прошло еще много времени, прежде, чем я был рядом с Фёргом и мне удалось принять Фрица. Фёрг, с помощью веревки, поспешил присоединиться к Хекмайеру.

Я внатяг выбрал Фрица. Фактически, все мы подтягивали друг друга, поскольку время ускользало, а участок, который надо было пролезть, был опасным, отвесным и трудным; и мы еще не знали, как все сложиться. Я еще не разу не был на восхождении, в котором были бы такие гонки и соревнование со временем, как на этом Айгере.

Эта завершающая стена, в кольчуге изо льда и снега – бросала вызов лидеру, который прокладывал путь сантиметр за сантиметром. Мы продвигались вперед. Снег шел без остановки. Видимость была едва ли больше длины веревки.

Вдруг, сквозь тучу и кружащиеся хлопья, мы услышали крики, доносящиеся к нам, хотя мы не могли сказать точно, откуда они звучали. Крики могли исходить от вершины, или с Западного склона. Так или иначе, они приближались. Мы договорились, сразу же, не отвечать. Кто бы ни звал нас, они были слишком далеко, чтобы разобрать точно, что мы кричим в ответ. Наш крик мог бы начать спасательную операцию, которая, придя в движение, не могла бы быть остановлена без последствий. Это мог бы быть длинный спуск для кого-то с вершины в долину, выход спасателей, начало восхождения... один наш крик мог начать весь этот процесс, если бы они неправильно поняли нас ... даже если бы мы просто прокричали приветствие...

Итак, мы поднимались с Андерлем во главе. Минуты превращались в часы. Мы шли вверх, метр за метром, веревку за веревкой. И вот мы слова услышали крики, на сей раз более отчетливые и близкие. Мы смогли различить, что это были не те голоса, что прежде. И снова мы не ответили. Мы узнали позже, что первыми голосами были крики Фрайзля и Бранковски, сильно переживающих за нашу судьбу и кричащих вниз со Стены. Во второй раз это был Ханс Шлюнеггер, самый известный гид Оберланда, кричащий сверху вниз, чтобы спросить, не нужна ли нам помощь. Правда, он и два парня из Вены, были одинаково убеждены, что в настоящее время скверная погода на заваленной снегом Стене лишала всякой возможности предоставить нам какую – либо помощь; но он и наши друзья были одинаково готовы помочь нам, или спасти нас, как только погода улучшиться.

Перед выходом на ледовый купол

В этом отношении я должен подчеркнуть снова самоотверженную готовность местных гидов. Эти две команды добрались до вершины самостоятельно, относительно легким классическим маршрутом по Северо-западной стене, но немедленно возвратились, не получив никакого ответа от нас. Очевидно, что после безнадежных новостей, принесенных теми, кто поднялся на вершину, чтобы искать нас, шансы на то, что мы еще живы, резко упали.

Несмотря ни на что, мы были все еще живы, и продолжали лезть вверх. Крутизна кулуара уменьшилась. Лавины теперь не могли навредить; они были здесь еще маломощными. И затем мы вышли из кулуара на ледовый склон.

Это было Предвершинное ледовое поле. Если бы мы только что не оставили позади Стену Айгера, можно было бы сказать, что это поле крутое; сейчас нам оно казался горизонтальным. Заключительный кулуар был позади нас; мы выбрались из лап "Паука". Был полдень, когда Хекмайер вышел на пологий ледовый склон.

Час спустя, последний из нас, благополучно добрался туда же. Только ледовый склон отделял нас теперь от гребня, ведущего к вершине. Мы не пошли траверсом влево на гребень, а поднялись по диагонали направо, придерживаясь направления на вершину.

Оставался только ледяной склон вершины.

Только...

Даже этот последний довод Айгера, не шутка. Мокрый снег не плотно держался на фирне и льду под ним; он периодически соскальзывал вниз. Вот причина лавин Айгера. Мы не решались ускорить наш штурм. Крепко сидящая в нашем сознании мысль, что Стена еще нас не отпустила, не позволила нам расслабиться и беззаботно прогуливаться.

Андерль был все еще во главе, он шел так же расчетливо и аккуратно, как всегда. Он знал, что смена лидера будет сопровождаться манипуляциями с веревкой и потерей времени; но у первого был и положительный фактор – он мог отдышаться, ожидая, пока мы поднимемся следом по веревке, в то время как мы задыхались. Одновременно, это свидетельствовало о его работоспособности.

В этом месте я особенно ощущал отсутствие кошек. Несмотря на то, что Хекмайер вырубал, где необходимо, огромные ступени для меня, несмотря на то, что Фёрг внимательно выбирал веревку, которая шла ко мне, я не мог позволить себе ни малейшей ошибки. Я не осмеливался поскользнуться; но для этого требовалась большая отдача силы, чтобы удержаться лишь с шипами на моих подошвах.

Непогода. Фото hwackerhage

Снег шел сильнее, чем когда-либо. И при этом хлопья уже больше не падали вертикально, а летели почти горизонтально, гонимые ветром. Ледовый склон казался бесконечным. Пролетели еще два часа. Тогда произошло кое-что, в некотором роде забавное, если бы это не означало момент смертельной опасности.

Хекмайер поднимался вверх по склону в тумане и снежной пурге, бьющей в лицо. Склон стал менее отвесным, но, идя против ветра и не в состоянии видеть что-либо, он не заметил этого. Фёрг, следующий за ним, внезапно увидел темные пятна перед собой. Нет – не впереди – под ногами. Очень, очень далеко внизу...

Это были скалы на Южной Стороне Айгера, которая не была так плотно скрыта в тучах и падающем снеге. Первые два человека, поднявшихся с Северной Стены, чуть не упали прямо с вершины карниза вниз, по Южной Стене. Если бы они сорвались, я сомневаюсь в том, что мы бы смогли их удержать.

Как бы то ни было, они отступили от края карниза в самый последний момент. Мы шли следом, добрались до приюта на продуваемом ветром горном хребте, и побрели дальше мимо него к вершине Айгера.

Было 15.30 24-ого июля 1938. Мы были первыми людьми, которые поднялись по Северной Стене на вершину Айгера, от подножья до вершины.

Радость, облегчение, шумный триумф? Ничего подобного. Наше освобождение наступило слишком внезапно, наше сознание и нервы были еще скованы, наши тела слишком утомлены, чтобы дать волю эмоциям. Фриц и я были на Стене 85 часов, Хекмайер и Фёрг – 61.

Не желание выжить наперекор стихии, а наша дружба и надежда друг на друга помогли нам. И, несмотря на сложность восхождения, мы ни на минуту не сомневались в успешном результате. Шторм на вершине бушевал так отчаянно, что нам пришлось согнуться пополам. Наши глаза, носы и рты покрылись толстой коркой льда, и нам приходилось отдирать их перед тем, как посмотреть друг на друга, заговорить или вдохнуть свежий воздух.

Мы, вероятно, были похожи на легендарных монстров Арктики, но мы были не в настроении шутить друг над другом. Действительно, это местом не располагало к тому, чтобы крутануть колесо на руках или завопить от радости и счастья.

Мы молча обменялись рукопожатиями. И сразу стали спускаться вниз. Я вспоминаю еще одно высказывание Иннеркофлера: "Спускаться вниз легко! Вас сопровождает парочка маленьких ангелочков..."

Но было нелегко. Спуск был полон опасности и предательских намерений. Ветер здесь не сдувал снег, мокрый, он тяжело оседал на западном склоне, покрывая собой обледенелые плиты почти метровым слоем. Мы проскальзывали и подхватывали друг друга. Мы вдруг почувствовали усталость, ужасную усталость.

Мне досталась работа по поиску правильного пути, и я шел первым, потому что знал маршрут; но когда я шел траверсом Айгер в предыдущий раз, видимость была отличная. Теперь я не всегда находил правильный маршрут сразу; и мои напарники поругивали меня.

Я не спорил, поскольку они были правы. Особенно Андерль, который вел нас как абсолютный герой весь подъем – настоящий герой, спокойно выполняющий свою работу и служа своим друзьям. Он не был тем типом людей, которым нужны барабаны и фанфары или приветствия толпы, чтобы подвигнуть его к мастерскому выступлению.

Убеждение было внутри него, от его природы, от его истинного характера мужчины. Но теперь мы видели, как он сник, не в физическом, а в духовном смысле. Безропотно, механически, он двигался вперед; но он перестал быть лидером. Предельное нервное напряжение, с которым он жил в течение этих дней и ночей на могущественной Стене, дало свои последствия. В течение тех бесконечных часов опасности он превзошел самого себя; теперь он мог позволить себе быть снова обычным человеком, со всеми слабостями, с восприятием и капризами нормальной жизни.

К примеру, возьмем проблему с брюками Андерля. Резинка его комбинезона порвалась. Андерль подтягивал брюки, но они спадали снова. И этот человек, который отреагировал со скоростью молнии, когда летел по ледовому кулуару, и таким образом спас нас всех от беды, человек, который так часто противостоял напору смертельных лавин, который пробился на ледовый купол во время снежной бури и, с невероятной выносливостью боролся за победу для себя и своих трех товарищей по команде – тот же самый человек, был почти доведен до истерики порванной резинкой.

Таким образом, Андреас устранился от лидерства. У него было полное право провести нас вниз на спуске, так же благополучно, как он вывел на верх ужасной Стены; и у него было полное право ругаться теперь, когда измученный и истощенный до предела, он должен был опять подняться вверх на несколько десятков метров, потому что, в тумане и падающем снеге, я ошибся в выборе маршрута.

Не было ничего удивительного в упадке сил Андерля. Напротив, настоящая человеческая природа его реакции, вызывала во мне еще большую любовь к нему. Мы снова нашли правильный маршрут и стали спускаться по нему вниз. Мы скользили, катились, сталкивались, страхуя друг друга.

Постепенно мы потеряли высоту, и, наконец, мы спустились ниже облаков. Снег превратился в дождь. Но как близко теперь был безопасный мир людей. То множество темных точек, двигающихся там, на леднике, были люди. Они медленно шли, чтобы встретить нас. А что ещё они могли искать на леднике?

Как только мы увидели людей, нам внезапно захотелось удобства человеческой цивилизации, о которой мы даже не смели думать в течение наших ночевок на биваках. Вы не думаете о кровати, когда вы висите на крюке, над отвесной пропастью. Но когда мы увидели людей, идущих к нам, сразу захотелось принять горячую ванну, провалиться в мягкую перину, окунуться в комфорт.

Правда, там, у подножья стены, стояла наша палатка, роскошный дом по сравнению с нашим биваком над "Пауком"; но мы промокли до нитки, и о, как мы хотели спать в кровати!

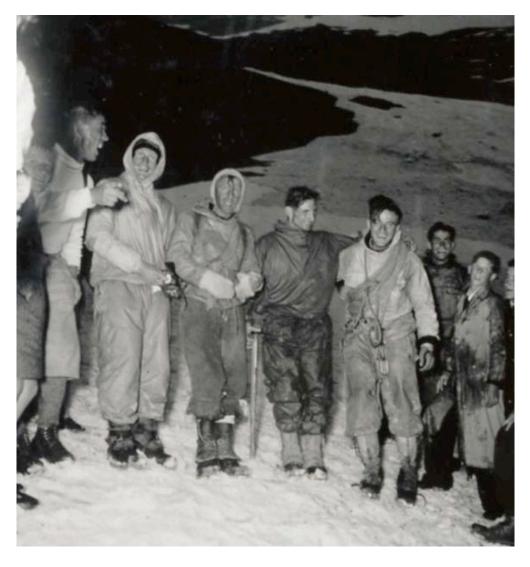
Гостиница на Кляйне Шайдегг предоставит нам кредит? Сколько денег у нас осталось? Андерль был самым богатым, у него еще было полтора франка, но этого недостаточно для воплощения мечты о ванне и кровати.

Внезапно перед нами появился маленький мальчик, уставившись на нас, как на призраков. Его лицо выражало смущенное, недоверчивое удивление. Он собрал всю свою храбрость, чтобы спросить:

"Вы спустились со стены?"

"Да," подтвердили мы, "со Стены."

Тогда мальчуган резко развернулся и убежал, визжа писклявым голосом: "Они идут! Они здесь! Они идут!"

Встреча на леднике

Скоро мы были окружены людьми. Гиды, наши венские друзья, мужчины из Мюнхена, члены Спасательного Патруля, журналисты, зеваки – всех объединила большая радость – увидеть живыми тех четырех мужчин, которых они считали погибшими. Они сняли с нас наши рюкзаки, они хотели нести нас на руках, и они понесли бы, если бы мы внезапно не почувствовали себя такими отдохнувшими и веселыми, как будто мы вернулись с прогулки, а не с Северной Стены Айгера.

Кто-то дал Фрицу первую за долгое время сухую сигарету. Руди Фрайзль протянул Андреасу маленькую флягу с коньяком.

"Выпей немного," сказал он. "Поможет согреться."

Андерль опустошил флягу одним глотком. Но он не опьянел. Мы и без этого были все опьянены общей радостью, окружающей нас. И потом, впервые, мы почувствовали необычайное удовлетворение, расслабление, облегчение от всех забот, и невероятное восхищение тем, что поднялись на Северную Стену.

Так, внезапно, все наши проблемы были решены. Кровати, ванны? Все забрасывали нас приглашениями, абсолютно каждый, только потому, что они были людьми, а мы благополучно возвратились в лоно человечества. Да, мы побывали на экскурсии в другом мире, и мы возвратились, но мы принесли радость жизни и человечности с собой.

В суете и водовороте ежедневной рутины, мы часто живем рядом, избегая контакта друг с другом. На Северной Стене Айгера мы узнали, что все люди хорошие и земля, на которой мы родились, хорошая тоже.

И теперь, земля приветствовала нас дома...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Генрих Харрер широко известен книгой— "Семь лет в Тибете". Он умер в 2006 году, 93 лет отроду.

Людвиг Фёрг стал ефрейтором в Вермахте и погиб в первый день Великой отечественной войны – 22 июня 1941

Фриц Каспарек погиб в 1954 – при восхождении на вершину Салкантай в перуанских Андах.

Андреас Хекмайер умер в 2005 – в возрасте 99 лет.

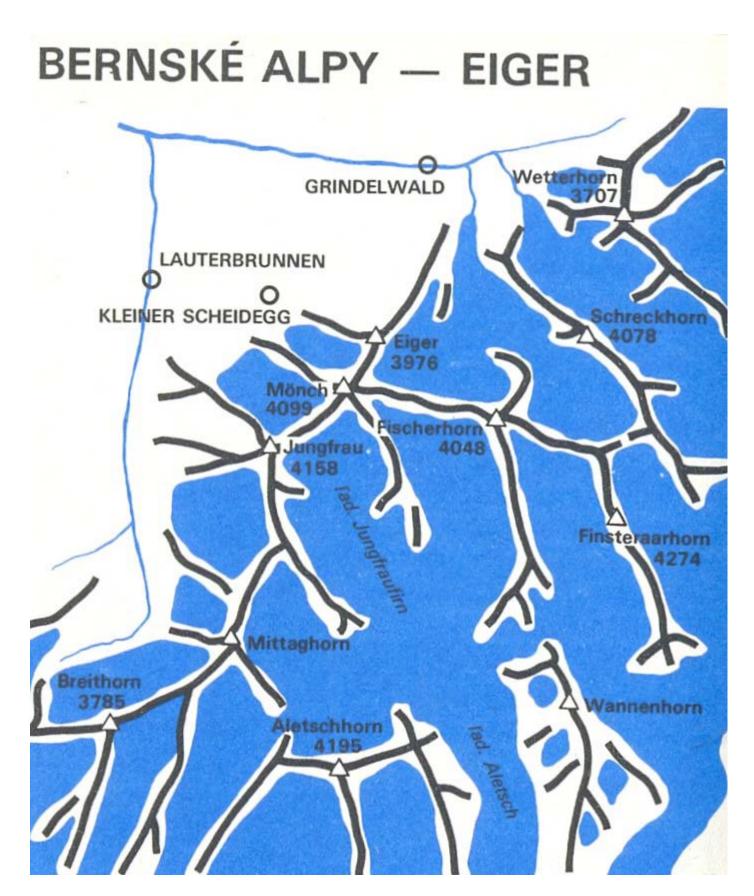
За восхожение на Айгер альпинистам вручил Олимпийские медали А.Гитлер

На приеме у А.Гитлера

А.Хекмайра и Л.Фёрга встречали в Германии как национальных героев

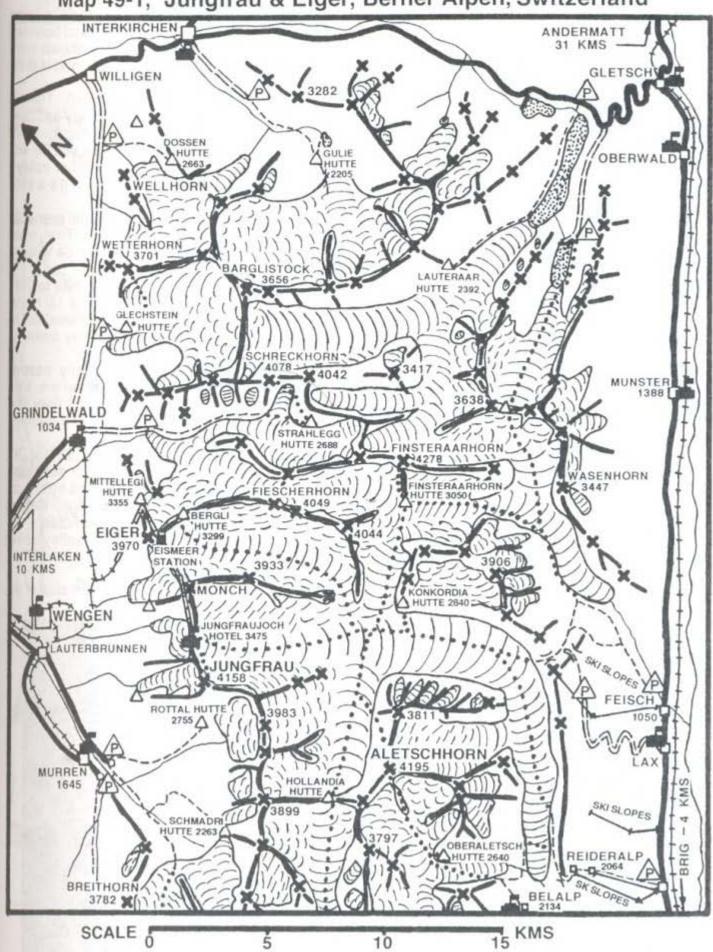

Бернские Альпы. Из книги И.Диешка «Альпинизм вблизи»

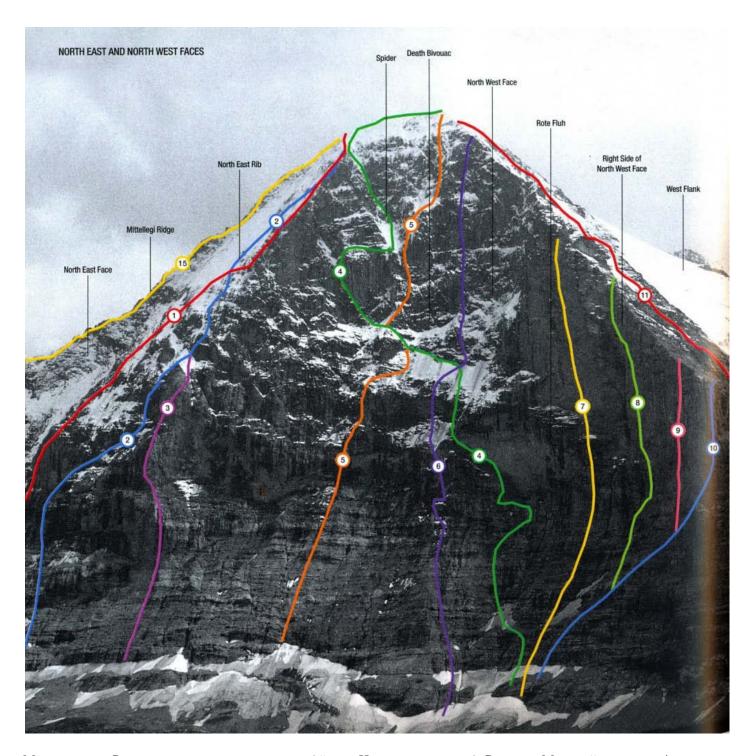
Швейцария, Бернские Альпы, Айгер, Менх, Юнгфрау

Map 49-1, Jungfrau & Eiger, Berner Alpen, Switzerland

Бернские Альпы. Из книги М.Р.Килси «Путеводитель по горам и вулканам мира»

Маршруты на Северной стене Айгера.

Маршруты на Северную и прилегающие стены Айгера. Из книги под ред. А.Салкеда «Мировой альпинизм!

- 1. **Lauper Route** td+ 1932 г.
- 2. North East Pillar, Austrian Route td 1968 Γ.
- 3. North East Pillar, Scottish Route ed3 1970 Γ.
- 4. **1938 (Heckmair) Route** ED2 1938 г.

- 5. **Harlin Route** ED3/4 1966 Γ.
- 6. **Metanoia** ed4 1991 г.
- 7. **Ghilini-Piola Route** ed 3/4 1983 г.
- 8. North Corner ED3 1981 г.
- 9. The Sanction ed3 $1988 \, \text{F}$.
- 10. Geneva Pillar ED2 1979 г.
- 11. South West Flank and West Ridge ad 1858 Γ

Бегом на Айгер

Швейцарцы Даниэль Арнольд и Стефан Росс (Daniel Arnold, Stephen Ruoss) установили новый командный скоростной рекорд в забеге по северному склону на Айгер (Альпы).

Их гонка по маршруту Хекмайера (Heckmair Route, ED 2, 1 800 м, 1 938 м) началась 23 февраля в 1.35 и закончилась на вершине Айгера (3 970 м) с первыми лучами солнца в 7.45.

Общее время восхождения 6 часов 10 минут. Снаряжения, еды и воды брали по минимуму. Поначалу Арнольд и Росс планировали пробежать The Young Spider (7 a [5,11d] A 2 WI 6 M 7, 1 800 м, Steck — Siegrist), но из-за отсутствия льда изменили маршрут. Вполне удачно, заметим.

Прежний рекорд принадлежал тоже швейцарцам: Симону Антаматтену и

Роже Шали (Simon Anthamatten, Roger Schali). Новые рекордсмены отыграли у них 40 минут.

Соло-рекордсменом на этом же маршруте является Ули Штек (Ueli Steck), побивший прошлогодний рекорд (4.40), забежав на Айгер за 3.54, а затем и вовсе показавший лучшее время всех времён и народов — 2 ч 47 мин. 33 сек.

